

Владимир
СОРОКИН

ЛЁД

Владимир Георгиевич Сорокин

Лёд

Серия «Ледяная трилогия», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145763

Сорокин, В. Ледяная трилогия: Путь Бро. Лед. 23 000 : АСТ, Астрель;

Москва; 2009

ISBN 978-5-17-050035-2, 978-5-271-23126-1

Аннотация

Я помню все: лица сестер и братьев, их голоса, их глаза, их сердца, учащие мое сердце сокровенным словам. Помню...

Появлялись новые голубоглазые и русоволосые, чьи сердца разбудил ледяной молот, они вливались в наше братство, узнавали радость пробуждения, плакали слезами сердечного раскаянья, открывали божественный язык сердец, заменяя опытных и зрелых, тех, кто до конца познал все 23 слова.

Содержание

Часть первая	4
Брат Урал	4
Мэр	17
Швейцарский сыр	34
Диар	52
Вор	57
Полусладкое	65
Мохо	78
Брат и сестры	85
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Владимир Сорокин

Лед

Часть первая

Брат Урал

23.42.

Подмосковье. Мытищи. Силикатная ул., д. 4, стр. 2

Здание нового склада «Мособлтелелефонтреста».

Темно-синий внедорожник «Линкольн-навигатор». Въехал внутрь здания. Остановился. Фары высветили: бетонный пол, кирпичные стены, ящики с трансформаторами, катушки с подземным кабелем, дизель-компрессор, мешки с цементом, бочку с битумом, сломанные носилки, три пакета из-под молока, лом, окурки,дохлую крысу, две кучи засохшего кала.

Горбовец налег на ворота. Потянул. Стальные створы сошлись. Лязгнули. Он запер их на задвижку. Сплюнул. Пошел к машине.

Уранов и Рутман вылезли из кабины. Открыли дверь багажника. На полу внедорожника лежали двое мужчин в наручниках. С залепленными ртами.

Подошел Горбовец.

– Здесь где-то свет врубается. – Уранов достал моток веревки.

– Разве так не видно? – Рутман стянула перчатки.

– Не очень. – Уранов сощурился.

– Милой, главное дело, шоб слышно было! – Горбовец улыбнулся.

– Акустика здесь хорошая. – Уранов устало потер лицо. – Давайте.

Они вытащили пленников из машины. Подвели к двум стальным колоннам. Основательно привязали веревками. Встали вокруг. Молча уставились на привязанных.

Свет фар освещал людей. Все пятеро были блондинами с голубыми глазами.

Уранов: 30 лет, высокий, узкоплечий, лицо худощавое, умное, бежевый плащ.

Рутман: 21 год, среднего роста, худая, плоскогрудая, гибкая, лицо бледное, непримечательное, темно-синяя куртка, черные кожаные штаны.

Горбовец: 54 года, бородатый, невысокий, коренастый, жилистые крестьянские руки, грудь колесом, грубое лицо, темно-желтая дубленка.

Привязанные:

1-й — лет под пятьдесят, полный, холеный, румяный, в дорогом костюме;

2-й — молодой, щедушный, горбоносый, прыщавый, в

черных джинсах и кожаной куртке.

Рты их были залеплены полупрозрачной клейкой лентой.

– Давайте с этого. – Уранов кивнул на полного.

Рутман достала из машины продолговатый металлический кофр. Поставила на бетонный пол перед Урановым. Расстегнула металлические замки. Кофр оказался мини-холодильником.

В нем лежали валетом два **ледяных молота**: цилиндрической формы ледяные головки, длинные неровные деревянные рукояти, притянутые к головкам ремешками из сыромятной кожи. Иней покрывал рукояти.

Уранов надел перчатки. Взял молот. Шагнул к привязанному. Горбовец расстегнул на груди толстяка пиджак. Снял с него галстук. Рванул рубашку. Посыпались пуговицы. Обнажилась пухлая белая грудь с маленькими сосками и золотым крестиком на цепочке. Заскорузлые пальцы Горбовца схватили крестик, сдернули. Толстяк замычал. Стал делать знаки глазами. Заворочал головой.

– Отзовись! – громко произнес Уранов.

Размахнулся и ударил молотом ему в середину груди.

Толстяк замычал сильнее.

Трое замерли и прислушались.

– Отзовись! – после паузы произнес снова Уранов. И опять хлестко ударил. Толстяк нутряно зарычал. Трое замерли. Вслушивались.

– Отзовись! – Уранов ударил сильнее.

Мужчина рычал и мычал. Тело тряслось. На груди проступили три круглых кровоподтека.

– Дай-кось я уебу. – Горбовец забрал молот. Поплевал на руки. Размахнулся.

– Отзовися! – Молот с сочно-глухим звуком обрушился на грудь. Посыпалась ледяная крошка.

И снова трое замерли. Прислушались. Толстяк мычал и дергался. Лицо его побледнело. Грудь вспотела и побагровела.

– Орса? Орус?

Рутман неуверенно тронула свои губы.

– Это утроба икает. – Горбовец качнул головой.

– Низ, низ. – Уранов согласно кивнул. – Пустой.

– Отзовися! – проревел Горбовец и ударил. Тело мужчины дернулось. Бессильно повисло на веревках.

Они придвинулись совсем близко. Повернули уши к багровой груди. Внимательно послушали.

– Утробой рычет... – Горбовец сокрушенно выдохнул. Размахнулся.

– Отзо-вися!

– Отзо-вися!

– Отзо-вися!

– Отзо-вися!

Бил. Бил. Бил. От молота полетели куски льда. Треснули кости. Из носа толстяка закапала кровь.

– Пустой. – Уранов выпрямился.

– Пустой... – Рутман закусила губу.

– Пустой, мать его... – Горбовец оперся на молот. Тяжело дышал. – Ох... родимая мамушка... сколько ж вас, пусто-звон, понастругали...

– Полоса такая, – вздохнула Рутман.

Горбовец со всего маха стукнул молотом по полу. Ледяная головка раскололась. Лед разлетелся в стороны.

Болтались разорванные ремешки. Горбовец бросил рукоять в холодильник. Взял другой молот. Передал Уранову.

Уранов стер иней с рукояти. Угрюмо вперился в бездыханное тело толстяка. Перевел тяжелый взгляд на второго. Две пары голубых глаз встретились. Привязанный забился и завыл.

– Не полошись, милой. – Горбовец стер со щеки кровавые брызги. Зажал ноздрю. Наклонился. Высморкался на пол. Вытер руку о дубленку. – Слышь, Ирэ, шашнадцатаво стучим, и опять пустышка! Што ж это за пирамидон такой? Шашнадцатый! И – пустозвон.

– Хоть сто шестнадцатый. – Уранов расстегнул куртку на привязанном парне. Парень заскулил. Его худосочные колени тряслись.

Рутман стала помогать Уранову. Они разорвали на груди парня черную майку с красной надписью WWW.FUCK.RU. Под майкой дрожала белая костистая грудь в многочисленных крапинках веснушек.

Уранов подумал. Протянул молот Горбовцу:

– Ром, давай ты. Мне уже давно не везет.

– Ага... – Горбовец поплевал на ладони. Взялся. Замахнулся.

– Отзовися!

Ледяной цилиндр со свистом врезался в тщедушную грудину. Тело привязанного дернулось от удара. Трое прислушались. Узкие ноздри парня затрепетали. Из них вырвались всхлипы. Горбовец сокрушенно покачал косматой головой. Медленно отвел назад молот.

– Отзо-вися!

Свист рассекаемого воздуха. Звучный удар. Брызги ледяной крошки. Слабеющие стоны.

– Что-то... что-то... – Рутман прислушивалась к посиневшей груди.

– Верх, просто верх... – Уранов отрицательно качал головой.

– Чивоито... и не знаю... али в глотке? – Горбовец чесал рыжеватую бороду.

– Ром, еще, но поточнее, – скомандовал Уранов.

– Куды уж точней... – Горбовец размахнулся. – Отзо-вися!

Грудина треснула. Лед посыпался на пол. Из-под прорванной кожи скупно брызнула кровь. Парень бессильно повис на веревках. Голубые глаза закатились. Черные ресницы затрепетали.

Трое слушали. В груди парня раздалось слабое прерыви-

стое ворчание.

– Есть! – дернулся Уранов.

– Господи, воля твоя! – Горбовец отбросил молот.

– Так и думала! – Рутман радостно засмеялась. Дула на пальцы.

Трое приникли к груди парня.

– Говори сердцем! Говори сердцем! Говори сердцем! – громко произнес Уранов.

– Говори, говори, говори, милой, – забормотал Горбовец.

– Говори сердцем, сердцем говори, сердцем... – радостно прошептала Рутман.

В окровавленной посиневшей груди возникал и пропадал странный слабый звук.

– Назови имя! Назови имя! Назови имя! – повторял Уранов.

– Имя, милой, имя скажи, имя! – Горбовец гладил русые волосы парня.

– Имя свое, имя назови, назови имя, имя, имя... – шептала Рутман в бледно-розовый сосок.

Они замерли. Оцепенели. Вслушивались.

– Урал, – произнес Уранов.

– Ур... Ура... Урал! – Горбовец дернул себя за бороду.

– Урррааал... ураааал... – Рутман радостно прикрыла веки.

Счастливая суета охватила их.

– Быстро, быстро! – Уранов вынул грубой работы нож с

деревянной ручкой.

Перерезали веревки. Содрали пластырь со рта. Положили парня на бетонный пол. Рутман притащила аптечку. Достала нашатырь. Поднесла. Уранов положил на побитую грудь мокрое полотенце. Горбовец подхватил парня под спину. Осторожно встряхнул:

– Ну-ка, милой, ну-ка, маленькой...

Парень дернулся всем хилым телом. Ботинки на толстой подошве заерзали по полу. Он открыл глаза. Тяжело вдохнул. Выпустил газы. Захныкал.

– Вот и ладно. Поперди, маленькой, поперди... – Горбовец рывком поднял его с пола. На кривых и крепких ногах понес к машине.

Уранов поднял молот. Разбил лед об пол. Рукоять кинул в холодильник. Закрыл. Понес.

Парня посадили сзади. Горбовец и Рутман сели по бокам. Поддерживали. Уранов открыл ворота. Выехал в промозглую темноту. Вылез. Запер ворота. Сел за руль. Погнал машину по неширокой и не очень ровной дороге.

Фары высвечивали обочину с остатками грязного снега. Светящийся циферблат показывал 00.20.

– Твое имя – Юрий? – Уранов глянул на парня в верхнее зеркало.

– Ю...рий... Лапин... – тот с трудом выдохнул.

– Запомни, твое истинное имя – Урал. Твое сердце назвало это имя. До сегодняшнего дня ты не жил, существовал.

Теперь ты будешь жить. Ты получишь все, что захочешь. И у тебя будет великая цель в жизни. Сколько тебе лет?

– Двадцать...

– Все эти двадцать лет ты спал. Теперь ты проснулся. Мы, твои братья, разбудили твое сердце. Я Ирэ.

– Я Ром. – Горбовец гладил щеку парня.

– А я Охам. – Рутман подмигнула. Отвела прядь с потного лба Лапина.

– Мы отвезем тебя в клинику, где тебе окажут помощь и где ты сможешь прийти в себя.

Парень затравленно покосился на Рутман. Потом на бородатого Горбовца:

– А... я... а когда я... когда... мне надо...

– Не задавай вопросов, – перебил Уранов. – Ты потрясен.

И должен привыкнуть.

– Ты ищо слабой. – Горбовец гладил его голову. – Отлежисси, тогда и потолкуем.

– Тогда все узнаешь. Болит? – Рутман осторожно прикладывала мокрое полотенце к круглым кровоподтекам.

– Бо...лит... – Парень всхлипнул. Закрыв глаза.

– Наконец-то полотенце пригодилось. А то мочу-мочу перед каждым стуком. А после пустышка. И – отжимай воду! – Рутман рассмеялась. Осторожно обняла Лапина. – Слушай... ну это кайф, что ты наш. Я так рада...

Внедорожник закачался на ухабах. Парень вскрикнул.

– Полегшей... не гони... – Горбовец теребил бороду.

– Очень больно, Урал? – Рутман с удовольствием произнесла новое имя.

– Очень... А-а-а-а! – Парень стонал и вскрикивал.

– Все, все. Сейчас трясти не будет. – Уранов рулил. Осторожно. Машина выползла на Ярославское шоссе. Повернула. Понеслась к Москве.

– Ты студент, – произнесла Рутман утвердительно, – МГУ, журфак.

Парень промычал в ответ.

– Я тоже училась. В педке на экономическом.

– Никак ты тово, паря... – Горбовец улыбнулся. Потянул носом. – Обделалси! Спужался, маленькой!

От Лапина слегка пахло калом.

– Это вполне нормально. – Уранов шурился на дороге.

– Когда меня стучали, я тоже коричневого творожку произвела. – Рутман в упор разглядывала худощавое лицо парня. – Да и кипяточку подпустила классно так, по-тихому. А ты... – она потрогала его между ног, – спереди сухой. Ты не армянин?

Парень мотнул головой.

– С Кавказа есть чего-то? – Она провела пальцем по горбтому носу Лапина.

Он снова мотнул головой. Лицо его бледнело сильнее. Покрывалось потом.

– А с Прибалтики – нет? Нос у тебя красивый.

– Не приставай, коза, ему сейчас не до носа, – проворчал

Горбовец.

– Охам, набери клинику, – приказал Уранов.

Рутман достала мобильный, набрала:

– Это мы. У нас брат. Двадцать. Да. Да. Сколько? Ну, минут...

– Двадцать пять, – подсказал Уранов.

– Через полчаса будем. Да.

Она убрала мобильный.

Лапин склонил голову на ее плечо. Закрыв глаза. Провалился в забытье.

Подъехали к клинике:

Новолужнецкий пр., д. 7.

Остановились у проходной. Уранов показал пропуск. Подъехали к трехэтажному зданию. За стеклянными дверями стояли два дюжих санитаров в голубых халатах.

Уранов открыл дверь машины. Санитары подбежали. Подвезли коляску-кровать. Стали вытаскивать Лапина. Он очнулся и слабо вскрикнул. Его положили на коляску. Пригнули ремнями. Ввезли в дверь клиники.

Рутман и Горбовец остались возле машины. Уранов двинулся за коляской.

В приемной палате их ждал **врач**: полноватый, сутулый, густые волосы с проседью, золотые очки, тщательно подстриженная бородка, голубой халат.

Он стоял у стены. Курил. Держал пепельницу.

Санитары подвезли к нему коляску.

– Как обычно? – спросил врач.

– Да. – Уранов посмотрел на его бороду.

– Осложнения?

– Там, кажется, грудина треснула.

– Как давно? – Врач снял с груди Лапина полотенце.

– Минут... сорок назад.

Вбежала **ассистентка**: среднего роста, каштановые волосы, серьезное скуластое лицо:

– Простите, Семен Ильич.

– Так... – Врач загасил окурок. Поставил пепельницу на подоконник. Склонился над Лапиным. Коснулся распухшей фиолетовой грудины. – Значит, сперва: наш коктейль в тумане светит. Потом на рентген. А после ко мне.

Он резко повернулся и двинулся к двери.

– Мне остаться? – спросил Уранов.

– Незачем. Утром. – Врач вышел.

Ассистентка распечатала шприц. Насадил иглу. Преломила две ампулы и набрала из них шприцем.

Уранов провел рукой по щеке Лапина. Тот открыл глаза. Поднял голову. Оглянулся. Кашлянул. И рванулся с коляски.

Санитары кинулись на него.

– Не-е-е-е! Не-е-е-е! Не-е-е-е-е!! – хрипло закричал он.

Его прижали к коляске. Стали раздевать. Запахло свежим калом. Уранов выдохнул.

Лапин хрипел и плакал.

Санитар перетянул худое предплечье Лапина жгутом. Ас-

систентка склонилась со шприцем:

– Страдать не нужно...

– Я хочу домо-о-о-ой позвонить... – захныкал Лапин.

– Ты уже дома, брат, – улыбнулся ему Уранов.

Игла вошла в вену.

Мэр

Лапин очнулся к трем часам дня. Он лежал в небольшой одноместной палате. Белый потолок. Белые стены. Полупрозрачные белые занавески на окне. На белом столике с гнутыми ножками ваза с веткой белых лилий. Невключенный белый вентилятор.

У окна на белом стуле сидела **медсестра**: 24 года, стройная, русые волосы, короткая стрижка, голубые глаза, большие очки в серебристой оправе, короткий белый халат, красивые ноги.

Медсестра читала журнал «ОМ».

Лапин скосил глаза на свою грудь. Ее стягивала белая эластичная повязка. Гладкая. Под ней виднелся бинт.

Лапин вынул руку из-под одеяла. Потрогал повязку.

Сестра заметила. Положила журнал на подоконник. Встала. Подошла к нему.

– Добрый день, Урал.

Она была высокой. Голубые глаза внимательно смотрели сквозь очки. Полные губы улыбались.

– Я Харо, – произнесла она.

– Что? – Лапин разлепил потрескавшиеся губы.

– Я Харо. – Она осторожно присела на край кровати. – Как ты себя чувствуешь? Голова не кружится?

Лапин посмотрел на ее волосы. И все вспомнил.

– А... я еще здесь? – хрипло спросил он.

– Ты в клинике. – Она взяла его руку. Прижала свои теплые мягкие пальцы к запястью. Стала слушать пульс.

Лапин осторожно втянул в грудь воздух. Выдохнул. В груди слабо и тупо ныло. Но боли не было. Он сглотнул слюну. Поморщился. Горло саднило. Глотать было больно.

– Хочешь пить?

– Немного.

– Сок, вода?

– Оранжевый... то есть... апельсиновый. Есть?

– Конечно.

Она протянула руку над Лапиным. Белоснежный халат зашуршал. Лапин почувствовал запах ее духов. Посмотрел на открытый ворот халата. Гладкая красивая шея. Родинка над ключицей. Золотая тонкая цепочка.

Он перевел глаза вправо. Там стоял узкий стол с напитками. Она наполнила стакан желтым соком. Обернула салфеткой. Поднесла Лапину.

Он заворочался.

Левой рукой медсестра помогла ему сесть. Голова его коснулась белой спинки кровати. Он взял из ее руки стакан. Отпил.

– Тебе не прохладно? – Она улыбалась. Смотрела в упор.

– Да нет... А который час?

– Три. – Медсестра глянула на свои узкие часы.

– Мне надо домой позвонить.

– Конечно.

Она вынула из кармана мобильный:

– Попей. Потом позвонишь.

Лапин жадно выпил полстакана. Выдохнул. Облизал губы.

– У тебя сейчас жажда.

– Это точно. А вы...

– Говори мне «ты».

– А ты... здесь давно?

– В смысле?

– Ну, работаешь?

– Второй год.

– А ты кто?

– Я? – Она шире улыбнулась. – Я медсестра.

– А это что... какая это больница?

– Реабилитационный центр.

– Для кого? – Он посмотрел на ее родинку.

– Для нас.

– Для кого – нас?

– Для проснувшихся людей.

Лапин замолчал. Допил сок.

– Еще?

– Немного... – Он протянул стакан. Она наполнила. Он

отпил половину:

– Больше не хочу.

Она забрала стакан. Поставила на столик. Лапин кивнул на мобильный:

– Можно?

– Да, конечно, – протянула она. – Говори. Я выйду.

Встала. Быстро вышла.

Лапин набрал номер родителей, кашлянул. Отец взял трубку:

– Да.

– Пап, это я.

– Куда пропал?

– Да тут... – Он потрогал повязку на груди. – Это...

– Чего – это? Случилось что?

– Ну... так...

– Опять влип? В обезьяннике?

– Да нет...

– А где ты?

– Ну, мы на концерте были вчера с Головастиком. На Горбушке. Ну и, короче, я у него остался.

– А позвонить не мог?

– Да как-то... замотались там... у него бардак такой дома...

– Опять поддавали?

– Да нет, слегка пива выпили.

– Лоботрясы. А мы обедать садимся. Ты приедешь?

– Я... ну, мы тут погулять хотим пойти.

– Куда?

– В парк... у него тут. С собакой он хочет.

– Как хочешь. У нас курица с чесноком. Все съедим.

– Я постараюсь.

– Не застревай там.

– Ладно...

Лапин отключил мобильный. Потрогал шею. Откинул одеяло. Он был голый.

– Бля... а где трусы? – Он потрогал свой член.

В груди остро и больно кольнуло. Он поморщился. Прижал руку к повязке:

– Сука...

Медсестра осторожно открыла дверь:

– Закончил?

– Да... – Он поспешно накинул на себя одеяло. Она вошла.

– А где моя одежда? – Лапин морщился. Тер шину.

– Болит? – Она снова села на край кровати.

– Стрельнуло...

– У тебя небольшая трещина грудины. Стяжку придется поносить. От усилий, поворотов может резко болеть. Пока не срастется. Это нормально. На грудную клетку гипс не кладут.

– Почему? – шмыгнул он носом.

– Потому что человеку нужно дышать, – улыбнулась она.

– А где моя одежда? – снова спросил он.

– Тебе холодно?

– Нет... просто я... голым не люблю спать.

– Правда? – искренне смотрела она. – А я – наоборот. Не засну, если на мне что-то надето. Даже цепочка.

– Цепочка?

– Ага. Вот. – Она сунула руку за отворот халата, достала цепочку с маленькой золотой кометой. – Каждый раз на ночь снимаю.

– Интересно, – усмехнулся Лапин. – Такая чувствительная?

– Человек должен спать голым.

– Почему?

– Потому что рождается голым и умирает голым.

– Ну, умирает не голым. В костюме. И в гробу.

Она убрала цепочку.

– Человек не сам надевает костюм. И в гроб не сам ложится.

Лапин ничего не ответил. Смотрел в сторону.

– Хочешь поесть?

– Я хочу... мне надо... мою одежду. В туалет сходить.

– Помочиться?

– Угу...

– С этим нет проблем. – Она наклонилась. Достала из-под кровати белое пластиковое судно.

– Да нет... я не... – криво улыбнулся Лапин.

– Расслабься. – Она быстро и профессионально всунула судно под одеяло.

Прохладный пластик прикоснулся к бедрам Лапина. Ее рука взяла его член. Направила в патрубок.

– Слушай... – Он потянул к себе колени. – Я ведь не па-

ралитик еще...

Ее свободная рука остановила его колени. Нажала. Уложила на кровать.

– Здесь нет никакой проблемы, – мягко и настойчиво произнесла она.

Лапин смущенно засмеялся. Посмотрел на «ОМ». Потом на лилию в вазе.

Прошло полминуты.

– Урал? Так ты хочешь или нет? – с мягким укором спросила она.

Лицо Лапина стало серьезным. Он слегка покраснел. Член его вздрогнул. Моча бесшумно потекла в судно. Медсестра умело придерживала член.

– Ну вот. Как просто. Ты никогда не мочился в судно?

Лапин мотнул головой. Моча текла.

Медсестра протянула свободную руку. Взяла со столика с напитками салфетку.

Лапин закусил губу и осторожно вдохнул.

Струя иссякла. Медсестра обернула член салфеткой. Осторожно вынула потеплевшее судно из-под одеяла. Поставила под кровать. Стала вытирать член.

– Ты родился с голубыми глазами? – спросила она.

– Да. – Он исподлобья посмотрел на нее.

– А я родилась с серыми. И до шести лет была сероглазой. И отец повел меня на свой завод. Показать какую-то чудесную машину, которая собирала часы. И когда я ее увидела,

я просто окаменела от счастья. Она так работала, так потрясаяще работала! Не знаю, сколько я стояла: час, два... Пришла домой, завалилась спать. А на следующее утро мои глаза поглубели.

Член Лапина стал напрягаться.

– Ресницы черные. И брови, – разглядывала она его. – Ты, наверно, любишь нежное.

– Нежное?

– Нежное. Любишь?

– Я... вообще-то... – сглотнул он.

– У тебя были женщины?

Он нервно усмехнулся:

– Девки. А у тебя были женщины?

– Нет. У меня были только мужчины, – ответила она спокойно, выпуская из рук его член. – Раньше. До того, как я проснулась.

– Раньше?

– Да. Раньше. Сейчас мне не нужны мужчины. Мне нужны братья.

– Это как? – Он подтянул к себе колени, загораживая свой напрягшийся член.

– Секс – это болезнь. Смертельная. И ею болеет все человечество. – Она убрала салфетку в карман халата.

– Да? Интересно... – усмехнулся Лапин. – А как же – нежность? Ты же про нее говорила?

– Понимаешь, Урал, есть нежность тела. Но это ничто по

сравнению с нежностью сердца. Проснувшегося сердца. И ты это сейчас почувствуешь.

Дверь открылась.

Вошла **женщина** в белом махровом халате: 38 лет, среднего роста, полная, темно-русые волосы, голубые глаза, лицо круглое, некрасивое, улыбочливое, спокойное.

Лапин прижал к груди дрожащие колени. Потянулся за одеялом. Но одеяло было в ногах.

Медсестра встала. Подошла к женщине. Они бережно поцеловались в щеки.

– Я вижу, вы уже познакомились. – Вошедшая с улыбкой посмотрела на Лапина. – Теперь моя очередь.

Медсестра вышла. Бесшумно притворила за собой дверь. Женщина смотрела на Лапина.

– Здравствуй, Урал, – произнесла она.

– Здравствуйте... – отвел глаза он.

– Я Мэр.

– Мэр? Чего?

– Ничего, – улыбнулась она. – Мэр – мое имя.

Она скинула халат. Голая шагнула к Лапину. Протянула полную руку:

– Встань, пожалуйста.

– Зачем? – Лапин исподлобья смотрел на ее большую отвислую грудь.

– Я прошу тебя. Не стесняйся меня.

– Да мне по барабану. Только... отдайте мою одежду.

Лапин встал. Упер руки в худосочные бедра.

Она шагнула к нему. Осторожно обняла и прижалась своей грудью к его.

Лапин нервно засмеялся, отворачивая лицо:

– Тетя, я не буду с вами трахаться.

– Я тебе и не предлагаю, – сказала она. Замерла.

Лапин тоскливо вздохнул, глянул в потолок.

– Одежду верните, а?

И вдруг вздрогнул. Дернулся всем телом. Замер.

Они оцепенели. Стояли, обнявшись. Глаза их закрылись.

Они простояли неподвижно 42 минуты.

Мэр вздрогнула, всхлипнула. Разжала руки. Лапин бесильно выпал из ее объятий на пол. Конвульсивно дернулся. Разжал зубы. Со всхлипом жадно втянул воздух. Сел. Открыл глаза. Тупо уставился на ножку кровати. Щеки его пылали.

Мэр подняла халат, надела. Положила маленькую пухлую ладонь на голову Лапина.

– Урал.

Повернулась и вышла из палаты.

Вошла сестра с одеждой Лапина в руках. Присела на корточках рядом с Лапиным.

– Как ты?

– Нормально. – Он провел дрожащей рукой по лицу. – Я вообще-то хочу... это... хочу...

– Болит грудь?

– Так... как-то... я... это...

– Одевайся. – Сестра погладила его плечо.

Лапин подтянул к себе джинсы. Под ними лежали трусы.

Новые. Не его.

Он пощупал их.

– А вы... а ты...

– Что? – спросила сестра. – Отвернуться мне?

– А ты... что? – Он шмыгнул носом.

Посмотрел на нее, словно увидел впервые. Пальцы его мелко дрожали.

Сестра встала. Отошла к окну. Отвела занавеску. Стала смотреть на голые ветви.

Лапин с трудом встал. Пошатываясь и оступаясь, надел трусы. Потом джинсы. Взял черную майку. Она тоже была новой. Вместо прежней надписи «WWW. FUCK.RU» на ней было написано «BASIC». Тоже красным.

– А почему... это? – Его пальцы мяли новую майку.

Сестра оглянулась:

– Надевай. Это все твое.

Он смотрел на майку. Потом надел ее. Взялся за куртку. На ней лежали его вещи. Ключи. Студенческий. Кошелек. Кошелек был непривычно толстым.

Лапин взял его. Открыл. Он был набит деньгами. Рублями в пятисотенных купюрах. И долларами.

– А это... не мое. – Он смотрел на кошелек.

– Это твое. – Сестра повернулась. Подошла.

– У меня было... семьдесят рублей. Семьдесят... пять.

– Это твои деньги.

– Это чужое... – Он смотрел на кошелек. Потрогал свою грудь.

Она взяла его за плечи:

– Вот что, Урал. Ты пока не очень понимаешь, что с тобой произошло. Я бы сказала – совсем не понимаешь. Вчера ночью ты проснулся. Но еще не отошел ото сна. Твоя жизнь теперь пойдет совсем по-другому. Мы поможем тебе.

– Кто – мы?

– Люди. Которые проснулись.

– И... что?

– Ничего.

– И что со мною будет?

– Все, что бывает с тем, кто проснулся.

Лапин смотрел на ее красивое лицо остекленевшими глазами.

– Что – все?

– Урал, – ее пальцы сжали его костлявые плечи, – имей терпение. Ты еще только встал с кровати. На которой спал двадцать лет. Ты даже не сделал первого шага. Поэтому положи кошелек в карман и следуй за мной.

Она открыла дверь. Вышла в коридор.

Лапин надел куртку, засунул кошелек во внутренний карман. Ключи и студенческий – в боковые. Вышел в коридор.

Сестра быстро пошла. Он двинулся вслед. Осторожно.

Трогал шину на груди.

Возле приемной палаты их ждали врач и Мэр. Она была в темно-фиолетовом пальто с большими пуговицами. Стояла, сунув руки в карманы. Смотрела на Лапина все так же тепло и приветливо. Улыбалась.

– Значит, у нас, молодой человек, небольшая трещинка в груди, – заговорил врач.

– Мне уже говорили, – пробормотал Лапин, не отрывая глаз от Мэр.

– Повторенье – мать ученья, – бесстрастно продолжал врач. – Стяжку десять дней не снимать. Бетонные плиты не поднимать. Мировых рекордов не ставить. С титанами любовью не заниматься. А вот это, – он протянул две упаковки лекарств, – попить. Два раза в день. И если будет болеть – пенталгин. Или семь стаканов водки. Ясно?

– Что? – Лапин перевел на него тяжелый взгляд.

– Шутка. Берите. – На ладони врача лежали две упаковки. Лапин присмотрелся к ним. Взял. Рассовал по карманам.

– Молодой человек не понимает шуток, – с улыбкой объяснил врач женщинам.

– Он все прекрасно понимает. Спасибо. – Мэр прижалась своей щекой к щеке врача.

– Будь счастлив, Урал, – громко произнесла медсестра.

Лапин резко обернулся к ней. Вперился в нее: красивая, стройная, теплый взгляд. Большие очки. Большие губы.

Мэр кивнула им. Вышла в стеклянный тамбур. И на ули-

цу. Там было пасмурно. И промозгло. Мокрые голые деревья. Остатки снега. Серая трава.

Лапин вышел следом. Осторожно ступал.

Мэр подошла к большому синему «Мерседесу». Открыла заднюю дверь. Повернулась к Лапину:

– Прошу, Урал.

Лапин забрался внутрь. Сел на упругое сиденье. Синяя кожа. Тихая музыка. Приятный запах сандала. Белобрысый затылок водителя.

Мэр села впереди.

– Познакомься, Фроп. Это Урал.

Водитель обернулся: 52 года, круглое простецкое лицо, маленькие мутно-голубые глаза, пухлые руки, синий, в тон машины, костюм.

– Фроп, – улыбнулся он Лапину.

– Юра... то есть... Урал, – криво усмехнулся Лапин. И вдруг засмеялся.

Водитель отвернулся. Взялся за руль. Машина плавно тронулась. Выехали на Лужнецкую набережную.

Лапин продолжал смеяться. Трогал рукой грудь.

– Ты где живешь? – произнесла Мэр.

– В Медведково, – с трудом облизал губы Лапин.

– В Медведково? Мы отвезем тебя домой. Какая улица?

– Возле метро... там. Я покажу... У метро. Выйду.

– Хорошо. Но прежде заедем в одно место. Там ты познакомишься с тремя братьями. Это люди твоего возраста. Они

просто скажут тебе несколько слов. И вообще помогут. Тебе сейчас нужна помощь.

– А... это где?

– В центре. На Цветном бульваре. Это займет максимум полчаса. Потом мы отвезем тебя домой.

Лапин посмотрел в окно.

– Главное для тебя сейчас – постарайся не удивляться ничему, – заговорила Мэр. – Не пугайся. Мы не тоталитарная секта. Мы просто свободные люди.

– Свободные? – пробормотал Лапин.

– Свободные.

– Почему?

– Потому что мы проснулись. А тот, кто проснулся, – свободен.

Лапин смотрел на ее ухо.

– Мне было больно.

– Вчера?

– Да.

– Это естественно.

– Почему?

Мэр обернулась к нему:

– Потому что ты родился заново. А роды – это всегда боль.

И для роженицы, и для новорожденного. Когда твоя мать выдавила тебя из влагалища, окровавленного, посиневшего, тебе разве не было больно? Что ты тогда сделал? Заплакал.

Лапин смотрел в ее голубые глаза, сдавленные слегка при-

пухлыми веками. По краям зрачки окружала еле различимая желтовато-зеленая пелена.

– Значит, я вчера родился заново?

– Да. Мы говорим – проснулся.

Лапин посмотрел на ее аккуратно подстриженные русые волосы. Концы их мелко подрагивали. В такт движению.

– Я проснулся?

– Да.

– А... кто спит?

– Девяносто девять процентов людей.

– Почему?

– Это трудно объяснить в двух словах.

– А кто... не спит?

– Ты, я, Фроп, Харо. Братья, которые будили тебя вчера.

Выехали на Садовое кольцо. Впереди была большая пробка.

– Ну вот, – вздохнул водитель. – Скоро по центру – только пешком...

Рядом с «Мерседесом» двигалась грязная «девятка». Толстый парень за рулем. Ел чизбургер. Бумажная упаковка задевала его приплюснутый нос.

– А тот, который... там остался? – спросил Лапин.

– Где?

– Ну... вчера... он что? Проснулся тоже?

– Нет. Он умер.

– Почему?

– Потому что он пустой. Как орех.

– Он что... не человек?

– Человек. Но пустой. Спящий.

– А я – не пустой?

– Ты не пустой. – Мэр достала из сумочки пачку жвачки.

Распечатала. Взяла сама. Протянула водителю. Тот отрицательно мотнул головой. Протянула Лапину.

Он взял автоматически. Распечатал. Посмотрел на розовую пластинку. Потрогал ею нижнюю губу.

– Я... это...

– Что, Урал?

– Я... пойду.

– Как хочешь. – Мэр кивнула водителю.

«Мерседес» притормозил. Лапин нервно зевнул. Нащупал гладко-прохладную ручку замка. Потянул. С трудом открыл дверь. Вышел. Пошел между машин.

Водитель и Мэр проводили его долгими взглядами.

– Почему все бегут? – спросил водитель. – Я тоже сбежал.

– Нормальная реакция, – снова зажевала Мэр. – Я думала,

он раньше попытается.

– Терпеливый... Куда теперь?

– К Жаро.

– В офис?

– Да. – Она покосилась на заднее сиденье.

Согнутая розово-матовая пластинка осталась лежать.

На синей гладкой коже.

Швейцарский сыр

Лапин шел. Потом побежал. Тяжело. С трудом поднимая ноги. Морщился. Прижимал руку к груди. Пересек улицу.

Вдруг.

Боль.

Грудина.

Как разряд тока.

Вскрикнул. Отдало в локти. В ребра. В виски. Застонал. Согнулся. Опустился на колени:

– Сука...

Остановился хорошо одетый мужчина:

– Чего такое?

– Сука... – повторил Лапин.

– Жизнь-то? Это точно.

Лапин тяжело встал. Заковылял к Патриаршим прудам. Здесь снега давно не было. Мокрый тротуар. Весенняя городская грязь возле пруда.

Он добрел до Большой Бронной. Вышел на бульвар. Сел на скамейку. Откинулся на влажную жесткую спинку.

– Хуе... бень... хуебень...

Подошла грязная старушка. Заглянула в урну. Двинулась дальше.

Лапин достал кошелек. Вынул доллары. Пересчитал: 900. Пересчитал рубли: 4500. И старые свои 70. И металличе-

ский пятак.

Посмотрел по сторонам. Шли люди. Быстро. И не торопясь. Парень и девушка пили пиво на ходу.

– Это правильно... – Лапин вынул пятисотенную купюру, кошелек убрал. Встал осторожно. Но боль затаилась.

Он добрал до ларька. Купил бутылку «Балтики». Попросил открыть. Отпил сразу половину. Отдышался. Вытер выступившие слезы. Двинулся к метро. На Пушкинской площади былолюдно. Он допил пиво. Осторожно поставил на мраморный парапет. Стал спускаться вниз по ступеням. Остановился. Подумал: «А хули?»

Повернул назад. Вышел на Тверскую. Поднял руку. Сразу остановились две машины. Грязно-красная. И зеленая. Почище.

– Чертаново, – сказал Лапин водителю грязно-красной.

– И чего?

– Чего?

– Чего-чего! Сто пятьдесят!

Лапин кивнул. Забрался на сиденье рядом с водителем.

– Куда там?

– Сумской проезд.

Водитель хмуро качнул усами. Включил музыку. Плохую. Но громкую.

Через час небыстрой езды машина подъехала к семиэтажному дому Лапина. Он расплатился. Вышел. Поднялся на пятый этаж. Открыл ключом дверь. Вошел в тесно заставлен-

ную прихожую. В квартире пахло кошкой и жареным луком.

– А-а-а... явление Христа народу, – выглянул из кухни жующий отец.

– Надо же! – выглянула мать. – А мы уж понадеялись, что ты к Головастику переселился.

– Привет, – буркнул Лапин. Снял куртку. Потрогал повязку: не заметно через майку? Глянул в овальное зеркало: заметно. Пошел в свою комнату.

– Мы уже все съели, не торопись! – крикнула мать. Они с отцом засмеялись.

Лапин толкнул ногой дверь с надписью: «FUCK OFF FOREVER!» В комнате был полумрак: книжные полки, стол с компьютером, музыкальный центр, гора компакт-дисков. Плакаты на стене: «Матрица», голая Лара Крофт с двумя пистолетами, Мэрилин Мэнсон в образе гниющего на кресте Христа, незастеленная кровать. Сиамский кот Нерон дремал на подушке.

Три рубашки висели на спинке стула. Лапин взял черную. Надел поверх майки. Осторожно лег на кровать. Зевнул с ревом:

– У-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Нерон нехотя поднялся. Подошел к нему. Лапин подул ему в ухо. Нерон увернулся. Спрыгнул на старое ковровое покрытие. Пошел из комнаты.

Лапин посмотрел на большие губы Лары Крофт. Вспомнил медсестру.

– Хар... Хара? Лара. Клара.

Усмехнулся. Покачал головой. С силой выдохнул сквозь неровные зубы.

В полуоткрытую дверь заглянула **мать**: 43 года, полная, каштановые волосы, молоджавое лицо, серые лосины, черно-белый свитер, сигарета.

– Ты что, и вправду сыт?

– Я поем. – Лапин застегивал рубашку.

– Погудели вчера?

– Угу...

– Позвонить трудно было?

– Уг-у-у-у, – серьезно кивнул Лапин.

– Мудило. – Мать ушла.

Лапин лежал. Смотрел в потолок. Терял стальное охвостье ремня.

– Я дважды разогреть не буду! – закричала мать на кухне.

– По барабану... – махнул рукой он. Потом приподнялся. Поморщился. Тяжело оттолкнулся от кровати. Встал. Побрел на кухню. Там мать мыла посуду.

На столе стояла тарелка с куском жареной курицы. И вареной картошкой. Здесь же стояла чаша с кислой капустой. И тарелка с солеными огурцами.

Лапин быстро съел курицу. Картошку не доел. Запил водой.

Пошел в большую комнату. Снял трубку. Набрал номер:

– Кела, привет. Это Юрка Лапин. А Генку можно? Ген. Это я. Слушай, мне... это... потерять с тобой надо. Да нет, ничего... Просто посоветоваться. Нет, это ни при чем. Там... это. Другое. Щас? Конечно. Ага.

Он положил трубку. Пошел в прихожую. Стал натягивать куртку. И чуть не закричал от боли:

– Ой, бля-а-а-а-а...

– Ты чего, опять уходишь? – гремела тарелками мать.

– Я к Генке, ненадолго...

– Хлеба купишь?

– Ага.

– Дать денег?

– У меня есть.

– Неужели не все пропили?

– Не все.

Лапин вышел из квартиры. Хлопнул дверью. Шагнул к лифту. Остановился. Постоял. Повернулся. Спустился по лестнице на четвертый этаж. Остановился на лестничной клетке. Присел на корточки. Заплакал. Слезы потекли по щекам. Сначала он плакал беззвучно. Трясся плечами. Прижимал худые руки к лицу. Потом заскулил. Вырвались скупые рыдания. Из рта. И из носа. Потом зарыдал во весь голос. Рыдал долго.

С трудом успокоился, пошарил по карманам куртки. Платка не было. Громко высморкался на избитый желто-коричневый кафель. Вытер руку о стену рядом с надписью

«ВИТЕК ГОВНОЕД».

Рассмеялся. Вытер слезы:

– Мэр, мэр, мэр... мэр, мэр, мэр...

Опять зарыдал. Колупал пальцем синюю стену. Трогал грудину.

Постепенно успокоился.

Встал. Спустился вниз. Вышел на улицу. Прошел мимо трех домов. В четвертый вошел. Поднялся на второй этаж. Позвонил в 47-ю квартиру.

Зеленую стальную дверь открыли почти сразу.

На пороге стоял **Кела**: 28 лет, среднего роста, коренастый, мускулистый, лицо плоское, рыжеватые усы, бритая маленькая голова.

– Здоров. – Кела повернулся. Ушел.

Лапин вошел в коридор двухкомнатной квартиры: четыре колеса, ящики из-под аудиоаппаратуры, вешалка с одеждой, горные лыжи с ботинками.

Из комнаты Келы доносилась громкая музыка. Лапин прошел в комнату Гены: ящики с видеокассетами, кровать, буфет, фотографии.

Гена сидел за компьютером: 21 год, взъерошенный, похожий на Келу, но полнее.

– Привет. – Лапин встал у него за спиной.

– Хай... – не обернулся он. – Где пропадал?

– Везде.

– Чо, растворился?

– Ага.

– А я вчера сайт нарыл классный. Гляди...

Он набрал www.stalin.ru. Появилась бледная картинка с изображением Сталина.

Под ней надпись: **СОБЕРИ КАМЕННЫЙ БУКЕТ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ!**

Под надписью виднелись семь каменных цветков. Гена навел стрелку на один. Нажал. Возникла картинка: корова, татуированная изображением Сталина, пасущаяся на лугу из каменных цветков. Над коровой парил лозунг: **ВСЕ НА БОРЬБУ С БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ!**

– Классно, а? – Гена толкнул его в бедро пухлым локтем, навел стрелку на один из цветков, нажал.

Появилась картинка: два Сталина угрожающе показывают друг на друга. Над ними парил лозунг: **ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК – ЕСТЬ ПРОБЛЕМА, НЕТ ЧЕЛОВЕКА – НЕТ ПРОБЛЕМЫ!**

– Во пацаны гуляют! – усмехнулся Гена.

– Слушай, Ген. Ты про тайные секты знаешь чего-нибудь?

– Какие? «Аум синрикё»?

– Нет, ну... другие... типа ордена.

– Масоны, что ли?

– Как бы. В Сети можно нарыть чего-нибудь?

– Да все можно нарыть. А зачем тебе масоны?

– Мне те, которые у нас.

– Это Кела в курсе. Он про масонов только и трет.

– Кела... – потрогал грудь Лапин. – Он же на черножопых

завернут. И на евреях.

– Ну. Он разных знает. А чего тебе?

– Да на меня наехали козлы какие-то. Братство, блядь.

Проснувшиеся люди.

– Проснувшиеся?

– Ага.

– И чего они хотят? – Гена быстро двигал «мышью», смотрел на экран.

– Непонятно.

– Ну и пошли их... Во, гляди! Классно, а? Там продвинутые, на этом Сталине!

– Мне посоветоваться надо с кем-то. Кто знает, кто это такие.

– Ну, поди спроси его. Он все знает.

Лапин пошел в комнату Келы: деревянный стеллаж с книгами, большой музыкальный центр с большими колонками, маленький телевизор, портреты Альфреда Розенберга, Петра Столыпина, плакат РНЕ «За новый русский порядок!», три пары нунчаков, шнурованные ботинки на толстой подошве, штанга 60 к г, гантели 3 к г, гантели 12 кг, две бейсбольные биты, матрац, шкура бурого медведя на полу.

Кела сидел на матраце, пил пиво и слушал «Helloween».

Лапин сел рядом. Подождал. Пока кончится песня.

– Кел, у меня проблема.

– Чего?

– Какая-то секта... или это орден... наехали как-то сразу.

– Как?

– Ну, тянут, там, толкают, типа: мы – проснувшиеся люди. Братья. А все к ругом спят. Бабки сулят. Типа, масоны.

Кела выключил музыку. Положил пульт на пол.

– Запомни раз и навсегда: масонов самих по себе не бывает. Есть только жидо-масоны. Про «Б’най Брит» слышал?

– Чего это?

– Официальная жидо-масонская ложа в Москве.

– Кел, понимаешь, эти, которые... ну... ко мне пришли, они не евреи. Блондины, как и я. И даже глаза голубые. Да! Слушай... – вспомнил он, – я только щас понял! У них у всех голубые глаза!

– Это не важно. Все масонские ложи контролирует жидовская олигархия.

– Они говорили, типа, что все люди спят, как бы спячка такая, а надо проснуться, как бы родиться заново, а началось все вообще на улице, возле психодрома подошли и попросили у меня...

Кела перебил:

– Еще триста лет назад все масоны были или жидами, или с прожидью. Раньше, на хуй, жида масонов использовали, как кукол, а теперь – политиков. А все политики – проститутки. Там, бля, пробы негде ставить. А уж наши... – Кела сцепил жилистые пальцы замком, хрустнул. – У них у всех на залупах татуировка: магендовид и 666.

Лапин нетерпеливо вздохнул:

– Кел, но я...

– Вот, послушай, на хуй... – Кела протянул мускулистую руку, снял с полки книгу. Открыл закладку:

– Франц Лист. Композитор великий. Пишет про жидов: «Настанет момент, когда все христианские нации, среди которых живут евреи, поставят вопрос, терпеть их дальше или депортировать. Этот вопрос по своему значению так же важен, как вопрос о том, хотим ли мы жизнь или смерть, здоровье или болезнь, социальный покой или постоянное волнение». Понял?

В дверь позвонили.

– Генка, открой! – крикнул Кела.

– Ну что за... – Гена злобно зашаркал. Открыл.

В комнату Келы вошел здоровенный **парень**: 23 года, бритая голова, широкие плечи, кожаная куртка и штаны, большие руки, на торце ладони татуировка «ЗА ВДВ!».

– О! Здорово, зёма, – встал с матраца Кела.

– Здоров, Кел.

Они размахнулись, сильно стукнулись правыми ладонями.

– У вас тут, говорят, железо ржавеет! – улыбнулся парень крепкими зубами.

– Ржавеет, на хуй. Вон, – кивнул Кела на штангу.

– Ага. – Парень подошел к ней, взялся, приподнял. – Понял...

– Только, Витек, пару недель – максимум.

– Нет проблем. – Парень взял штангу в правую руку. Посмотрел на Лапина. На пиво. – Чего, квасите?

– Да нет. – Кела рухнул на матрац. – Я тут с молодежью базарю.

– Хороший шнур, – кивнул парень и вышел со штангой.

– Про «Союз Сатаны и Антихриста» слышал? – спросил Кела Лапина.

– Это что?

– А про «Бне Мойше»?

– Нет.

Кела вздохнул:

– Ёпгеть, чем вы, на хуй, дышите, непонятно!

– Компутэром. – Гена заглянул в комнату.

– Компутэром, на хуй, – кивнул Кела. – А ты знаешь, кто и где придумал Интернет? И зачем придумал?

– Сто раз уже говорил, – почесал щеку Гена. – А чего... все в мире придумали евреи и китайцы.

– А ты «Имя мое Легион» читал? – Кела перевел взгляд на Лапина. В дверь позвонили.

– Открой, – кивнул Кела Гене.

Вошел тот же парень в кожаном. Со штангой в руке.

– Кел, слушай, я чего забыл: там в пятницу Вован к себе звал. Помахаться. Поедешь?

– Давай.

– Я зайду тогда.

– Давай. Во, Витек, «Имя мое Легион» не читали. И спор-

том ни хера не занимаются.

– Каждому – свое! – улыбнулся зубами парень. Протянул Гене штангу: – Подержи, молодой.

– Да ты что! – засмеялся Гена. – У меня камни в почках.

– Чо, правда?

– Правда! – ответил за Гену Кела. – Во, на хуй, Вить. Двадцатник пацану – и камни в почках!

– Да-а-а-а... – Парень прислонился к косяку, продолжая держать штангу. – Я чего-то такого не припомню. Так рано. Камни. У нас это. В батальоне один сержант старлея вылечил. Тот спать на холоде не мог.

– Чего?

– Камни в почках. Пивом напоил. Четыре литра. Потом, говорит – пошли поссым. Ну встали. Старлей ссыт. А тот ему ребром по почкам – хуяк! Тот – о-о-о-о, бля! Моча с кровью. И весь песок из почек вышел. Вот так. Полевая медицина.

Парень повернулся и вышел.

Зазвонил телефон.

Кела взял трубку:

– Да. Здоров, зёма. А! Ёпгеть, а чего ж ты? Всё, на хуй! Завтра еду брать. Не говори! Сегодня иду по улице, думаю – неужели с «четверки» гнилой, на хуй, пересяду на приличную тачку? Ага! Да... да... точно. Ага!

– Вы чего, новую машину покупаете? – спросил Лапин.

– Не новую. «Гольф» 93-го года. – Гена зевнул.

– Разбогатели?

- Праотцы пару штук подкинули.
- Хорошо.
- Пошли в чате поколбасим. Там кинозавры понабежали.
- Да я хотел с Келой потереть.
- Это Воронин. Надолго. Пошли, хуйнем!
- Пошли...

Вернулись в комнату Гены. Сели рядом у компьютера.
Гена быстро вошел в чат под именем **Killa Bee:/**)

Зхус /:

Я тоже купил вчера арджентовский «Призрак оперы». По-надеялся на Джулиана Сендса, которого обычно в хуевых фильмах не видел. Он самый клевый для меня актер после Микки Рурка. Уебищный фильм!!!! /-

De Scriptor /:

Да и «Тьма» сранье сраньем.

Наташа /:

Твой Джулиан Сендс – хуйня. Он только в «Чернокнижнике-2» хорошо сыграл, а уж «Призрак оперы» – отстой полный.

Killa Bee /:

Вы все слабохуйные пиздососы! А Джулиан Сендз племянник Фили Киркорова:)

Старый Как Мамонт /:

Гнилая! Где тебя dhtvz носило?

Killa Bee /:

В пизде мамонтихи, Лохматый. Чего вы дробите на Сен-дза, если есть Чууулпан Хамыыыытовааааа с Кеану Ривввв-взом!!!! Ребята, я их полюбила и люблю!

De Scriptor /:

Долбоебизм не лечится:/ (Но его можно использовать в мирных целях.

Крот /:

Эта мокрошелка щас опять все засрет.

Killa Bee /:

Обязательно, мальчики:/-

Зхус /:

Есть предложение: уебывай по своей же ссылке.

Старый Как Мамонт /:

КилкаБи, заткнись на время. Я тут недавно нарыл: www.clas.ru. Можно заказать редкие фильмы на дом. Любимого Кроненберга взял:)))

Крот /:

А у Ардженто кто-нибудь видел «Демоны»?

Vino /:

Демонов снял не Ардженто. Или Дж. Ромеро, или Лючиано Фульчи. Вчера РенТВ крутили Феномена твоего хилого Ардженто – полный трэш. С хеви-металом на саундтреке.

Killa Bee /:

Ой, кто пришел! Сладко запел угловатый соловушка! У тебя еще стоит? I'm always ready, motherfucker!!!!:/)

Vino /:

Killa Bee, если ты хочешь, чтобы тебя кто-то трахнул до посинения клитора, то... !!!

– Ген, я домой пойду. – Лапин встал. Потер грудь.

– Чего ты, Лап? Давай напиши чего-нибудь. Давай, хуйни не по-детски!

– Да не, я... на хер. Я с Келой хотел побазарить, а он опять про своих жидов.

– Ну, а на хера ты завел его? Поговорил бы о чем-нибудь другом. Масоны-масоны... Он теперь только об этом и будет пиздеть. Я с ним вообще больше нацвопросов не касаюсь. Заебалю.

Лапин махнул рукой. Постоял.

– Ген.

– Чего? – печатал Гена.

– Поехали в пивняк.

– В какой? – удивленно повернулся Гена.

– В любой. У меня... это... денег до хера.

– Откуда?

– От верблюда.

Вошел Кела с новой бутылкой пива.

– И вот что. Генк. Я тебе, на хуй, последний раз говорю: будешь дурь сосать – отселю к праотцам. Там соси, на хуй, в сортире.

– Я сто лет не сосал, ты чего?

– Позавчера? А? Когда я курей возил. А у тебя твои козлы были. Нет, что ль?

– Да ты чего? Кел? Мы новый «ВВ» слушали.

– Ты не пизди главному. Мудаки. Вы не врубаетесь ни хуя. – Он отхлебнул из бутылки. – У чеченов дохлых мозги знаешь какой был? Как сыр швейцарский. С дырами. Вот такими. От чего? От дури. Понял?

– Ты уже рассказывал. – Гена сунул в рот жвачку. – Кел, а от пива печень жиром заплывает.

– Задумайся, на хуй. Предупредил. В последний раз.

Кела вышел.

– Ой, бя... – вздохнул Гена. – Как давёж надоел. Бля, чего они на Качалове так помешаны? Витек, Шпала, Бомбер, –

они ж тупота, все с двумя извилинами, понятно, чего им не качаться. Но Кела-то – умный. Он книг больше прочел, чем они все. И туда же – здоровое тело, бля, здоровый дух. И мне, бля, каждое утро гантели эти вонючие в постель сует! Представляешь? Я сплю, бля, а он – под жопу мне гантели! Дурдом...

Лапин смотрел в экран. Встал:

– Ушел я.

– Чего ты?

– Дело есть еще...

– Лап, чего ты сегодня такой?

– Какой?

– Ну... как побитый?

Лапин глянул на него и рассмеялся. Приступ истерического смеха заставил его согнуться.

– Ты чего? – не понимал Гена. Лапин хохотал. Гена смотрел на него.

С трудом Лапин успокоился. Вытер выступившие слезы. Тяжело вдохнул:

– Все... ушел.

– А пивняк?

– Какой?

– Ну, ты же в пивняк меня позвал?

– Пошутил.

– Ну и шутки у вас, малэчык.

Лапин вышел.

На улице стемнело. И подморозило. Лужи потрескивали под ногами.

Лапин добрал до своего подъезда. Вошел. Вызвал лифт. Посмотрел на стену. Там были знакомые граффити. Две из них – ACID ORTHODOX и РАЗРУХА-97 принадлежали Лапину. Он заметил новую надпись: УРАЛ, НЕ БОЙСЯ ПРОСНУТЬСЯ.

Черный фломастер. Аккуратный почерк.

Диар

8.07.

Киевское шоссе. 12-й километр

Белая «Волга». Свернула на лесную дорогу. Проехала триста метров. Свернула еще раз. Встала на поляне.

Березовый лес. Остатки снега. Утреннее солнце.

Из кабины вышли двое.

Ботвин: 39 лет, полный, блондин, голубые глаза, добродушное лицо, спортивная сине-зеленая куртка, сине-зеленые штаны с белой полосой, черные кроссовки.

Нейландс: 25 лет, высокий, худощавый, блондин, решительно-суровый, голубые глаза, острые черты лица, коричневый плащ.

Они открыли багажник. Там лежала **Николаева:** 22 года, смазливая блондинка, голубые глаза, короткая лисья шуба, высокие сапоги-ботфорты черной замши, рот залеплен белым пластырем, наручники.

Вытащили Николаеву из багажника. Она сучила ногами. Подвывала.

Нейландс достал нож. Разрезал шубу на спине. И на рукавах. Шуба упала на землю. Под шубой было красное платье. Нейландс разрезал его. Разрезал лифчик.

Средних размеров грудь. Маленькие соски.

Подвели к березе. Стали привязывать.

Николаева нутряно завопила. Забилась в их руках. Шея и лицо ее побагровели.

– Не туго. Чтоб дышала свободно. – Ботвин прижимал дергающиеся плечи к березе.

– Я туго не делаю. – Нейландс сосредоточенно работал.

Закончили. Ботвин достал из машины продолговатый белый футляр – холодильник. Открыл. Внутри лежал ледяной молот: аккуратная увесистая головка, деревянная рукоять, сыромятные ремешки.

Нейландс вынул из кармана рублевую монету:

– Орел.

– Решка, – примеривался к молоту Ботвин. Нейландс подбросил монету. Упала. Ребром в снег.

– Вот тебе, бабушка, и женский день! – засмеялся Ботвин. – Ну что, вторую?

– Ладно, – махнул рукой Нейландс. – Стучи.

Ботвин встал перед Николаевой.

– Значит, детка моя. Мы не грабители, не садисты. И даже не насильники. Расслабься и ничего не бойся.

Николаева скулила. Из глаз ее текли слезы. Вместе с тушью ресниц. Ботвин размахнулся:

– Гово-ри!

Молот ударил в грудину. Николаева крякнула нутром.

– Не то, детка, – покачал головой Ботвин. Размахнулся. Солнце сверкнуло на торце молота.

– Гово-ри!

Удар. Содрогание полуголого тела.

Ботвин и Нейландс прислушались.

Плечи и голова Николаевой мелко дрожали. Она быстро
икала.

– Мимо кассы, – хмурился Нейландс.

– На все воля Света, Дор.

– Ты прав, Ыча.

В лесу перекликнулись две птицы. Ботвин медленно отвел
в сторону молот:

– Детка... гово-ри!

Мощный удар сотряс Николаеву. Она потеряла сознание.
Голова повисла. Длинные русые волосы накрыли грудь.

Ботвин и Нейландс слушали.

В посиневшей груди проснулся звук. Слабое хорканье.
Раз. Другой. Третий.

– Говори сердцем! – замер Ботвин.

– Говори сердцем! – прошептал Нейландс. Звук оборвал-
ся.

– Было точно... подними голову. – Ботвин поднял молот.

– Сто процентов... – Нейландс зашел сзади березы. При-
поднял голову Николаевой, прижал к шершавому холодному
стволу. – Только – деликатно...

– Сделаем... – Ботвин размахнулся. – Гово-ри!

Молот врезался в грудину. Брызнули осколки льда.

Ботвин прильнул к груди. Нейландс выглянул из-за бере-
зы.

– Хор, хор, хор... – послышалось из грудины.

– Есть! – Ботвин отшвырнул молот. – Говори, сестричка, говори сердцем, разговаривай!

– Говори сердцем, говори сердцем, говори сердцем! – забормотал Нейландс. Стал суетливо рыться по карманам: – Где? Где? Куда... ну где?

– погоди... – захлопал себя по карманам Ботвин.

– Тьфу, черт... в машине! В бардачке!

– Блядь...

Ботвин метнулся к «Волге». Поскользнулся на мокром снегу. Упал. На грязную бурую траву. Быстро подполз к машине. Открыл дверь. Выдернул из бардачка стетоскоп.

Звук не прерывался.

– Скорей! – выкрикнул Нейландс фальцетом.

– Зараза... – Ботвин подбежал. Грязной рукой протянул стетоскоп.

Нейландс сунул концы в уши. Прижал стетоскоп к фиолетовой груди.

Оба замерли. Далеко пролетал самолет. Перекликались птицы. Солнце зашло за тучу.

В груди у Николаевой хоркало. Слабо. Равномерно.

– Ди... ро... аро... ара... – зашептал Нейландс.

– Не горячись! – выдохнул Ботвин.

– Ди... ди... ар. Диар. Диар. Диар! – облегченно выдохнул Нейландс. Скинул стетоскоп. Протянул Ботвину.

Тот неловко вставил в уши. Пухлая грязная рука прижала

черный кругляшок к груди.

– Ди... эр... ди... эро... диар. Диар. Диар. Диар.

– Диар! – кивал худощавой головой Нейландс.

– Диар, – улыбнулся Ботвин. Провел выпачканной в земле рукой по лицу. Засмеялся. – Диар!

– Диар! – Нейландс хлопнул его по плечу.

– Диар! – Ботвин ответно стукнул в грудь.

Они обнялись. Покачались. Оттолкнулись друг от друга.

Нейландс стал резать веревки. Ботвин кинул молот в футляр. Снял с себя куртку.

Освободили бесчувственную Николаеву от веревок. И от наручников. Завернули в куртку. Подняли. Понесли к машине.

– Молот не забудь, – сопел Ботвин. Уложили Николаеву на заднее сиденье.

Нейландс захватил футляр с молотом. Кинул в багажник.

Ботвин сел за руль. Завел мотор.

– Погоди. – Нейландс шагнул к березе. Расстегнул брюки.

Расставил ноги. Николаева слабо застонала.

– Очнулась. Диар! – улыбнулся Нейландс.

Струя мочи ударила в березовый ствол.

Вор

Николаева проснулась от прикосновения.

Кто-то голый и теплый прижимался к ней.

Она открыла глаза: белый потолок, матовый плафон, край окна за полупрозрачной белой занавеской, курчавые светлые волосы. Запах. «After shave lotion». Мужское ухо с приросшей к щеке мочкой. Мужская щека. Хорошо выбритая.

Николаева зашевелилась. Скосила глаза вниз: край простыни. Под простыней ее голое тело. Громадный синяк на груди. Ее ноги. Смуглое мускулистое мужское тело. Прижимается. Обвивает ее руками. Поворачивает ее на бок. С силой прижимается своей грудью к ее груди.

– Послушайте... – хрипло произнесла она. – Я не люблю, когда так делают...

И вдруг оцепенела. Тело ее содрогнулось. Глаза полуприкрылись. Закатились по веки. Мужчина тоже замер. Вздрыгнул, дернул головой. И оцепенел, прижавшись.

Прошло 37 минут.

Рот мужчины открылся. Из него раздался слабый хриплый стон. Мужчина пошевелился. Разжал руки. Повернулся. Скатился с кровати на пол. Бессильно вытянулся. Всклипнул. Тяжело задышал.

Николаева вздрогнула. Засучила ногами. Села. Вскрикнула. Прижала руки к груди. Открыла глаза. Лицо ее было пун-

цовым. Из открытого рта вытекла слюна. Николаева всхлипнула и заплакала. Плечи ее вздрагивали. Ноги ерзали на простыне.

Мужчина со стоном выдохнул. Сел. Посмотрел на Николаеву.

Она плакала, бессильно вздрагивая.

– Хочешь соку? – тихо спросил мужчина.

Она не ответила. Испуганно взглянула на него.

Мужчина встал: 34 года, стройный мускулистый блондин, лицо тонкое, красивое, чувственное, большие голубые глаза.

Он обошел кровать. Взял с тумбочки бутылку минеральной воды. Открыл. Стал наливать в стакан.

Николаева смотрела на него: смугловатое тело, золотистые волосы на ногах и груди.

Мужчина поймал ее взгляд. Улыбнулся:

– Здравствуй, Диар.

Она молчала. Он отпил из стакана. Она разлепила пунцовые, налившиеся кровью губы:

– Пить...

Он сел к ней на кровать. Обнял. Приставил стакан к ее губам. Она стала жадно пить. Зубы стучали о стекло.

Выпила все. Со стоном выдохнула:

– Еще.

Он встал. Наполнил стакан до краев. Поднес ей. Она залпом осушила стакан.

– Диар... – Он провел рукой по ее волосам.

– Я... Аля, – произнесла она. Вытерла слезы простыней.

– Ты Аля для обычных людей. А для проснувшихся ты

Диар.

– Диар?

– Диар, – тепло смотрел он.

Она вдруг закашляла. Схватила за грудь.

– Осторожней. – Он держал ее за потные плечи.

– Ой... больно... – застонала она.

Мужчина вынул из тумбочки полотенце. Положил ей на плечи. Стал осторожно вытирать ее. Она посмотрела на свой кровоподтек, захныкала:

– Ой... ну... зачем же так....

– Это пройдет. Просто синяк. Но кость цела.

– Господи... а это... что ты делал-то такое... господи... ну на хуя же так? А? На хуя же так вот делать? – Она затрясла головой. Поджала колени к подбородку.

Он обнял ее за плечи:

– Я Вор.

– Чего? – непонимающе смотрела она. – В законе?

– Ты не поняла, Диар. Я не вор, а Вор.

– Обычный?

– Нет, – засмеялся он. – Вэ, о, эр – три буквы. Это мое имя. Воровством я никогда не занимался.

– Да? – Она рассеянно осмотрелась. – Это что? Гостиница?

– Не совсем. – Он прижался к ее спине. – Что-то вроде санатория.

– Для кого?

– Для братьев. И сестер.

– Для каких?

– Для таких, как ты.

– Как я? – Она вытерла губы о колени. – Значит, я – сестра?

– Сестра.

– Чья?

– Моя.

– Твоя? – Губы ее задрожали, искривились.

– Моя. И не только моя. У тебя теперь много братьев.

– Бра... тьев? – всхлипнула она. Схватила его руку. И вдруг закричала в голос – надрывно и протяжно. Крик перешел в рыдание.

Он обнял ее, прижал к себе. Николаева рыдала, уткнувшись в его мускулистую грудь. Он стал укачивать ее, как ребенка:

– Все хорошо.

– Зачем... еще... зачем... оооо! – рыдала она.

– Все, все теперь у тебя будет хорошо.

– Оооо!!! Как это... ой, что ж ты наделал-то... господи...

Постепенно она успокоилась.

– Тебе надо отдохнуть, – сказал он. – Сколько тебе лет?

– Двадцать два... – всхлипнула она.

– Все эти годы ты спала. А теперь проснулась. Это очень сильное потрясение. Оно не только радует. Но и пугает. Тебе нужно время, чтобы привыкнуть к нему.

Она кивнула. Всклипнула:

– А... есть... платок?

Он протянул ей салфетку. Она шумно высморкалась, скомкала, кинула на пол.

– Господи... обревелась вся...

– Ты можешь принять ванну. Тебе помогут привести себя в порядок.

– Ага... – пугливо покосилась она на окно. – А где...

– Ванная? Сейчас тебя проводят.

Николаева рассеянно кивнула. Покосилась на лилию в вазе. На окно. Снова на лилию. Набрала побольше воздуха. Вскочила с кровати. Кинулась к двери. Вор сидел неподвижно. Она рывком распахнула дверь. Вылетела в коридор. Побежала. Врезалась в медсестру. Та курила возле высокой латунной пепельницы. Медсестра голубоглазо улыбнулась Николаевой:

– Доброе утро, Диар.

Николаева кинулась к выходу. Голые ступни ее шлепали по новому широкому паркету коридора. Добежала до стеклянных дверей. Толкнула первую. Выскочила в тамбур. Толкнула вторую. Побежала по мокрому асфальту.

Врач смотрел на нее сквозь стекло. Скрестил руки на груди. Улыбался.

Блондинистый шофер в припаркованном серебристом «БМВ» проводил долгим взглядом. Ел яблоко.

Голая Николаева бежала по Воробьевым горам. Вокруг стояли голые деревья. Лежал грязный снег.

Она быстро устала. Остановилась. Присела на корточки. Посидела немного, тяжело дыша. Встала. Потрогала грудину. Поморщилась:

– Суки...

Пошла. Босые ноги шлепали по лужам.

Впереди показалась большая дорога. Ездили редкие машины. Дул мокрый весенний ветер. Николаева ступила на дорогу. И тут же почувствовала сильный холод. Задрожала. Обняла себя руками.

Проехала машина. Пожилой водитель улыбнулся Николаевой.

Она подняла руку. Проехал «Фольксваген». Водитель и пассажир открыли окна. Выглянули. Засвистели.

– Козлы... – пробормотала Николаева. Зубы ее стучали.

Показались «Жигули». Остановились.

– Ты что, моржиха? – **Водитель** открыл дверь: 40 лет, бородатый, очкастый, с большой серебряной серьгой и черно-желтым платком на голове. – Лед же уже сошел!

– Слу...шай... отвези... ме...ня... ограбили... – стучала зубами Николаева.

– Ограбили? – Он заметил большой синяк у нее между грудей. – Били?

– Отпиз... дили... суки...

– Садись.

Она залезла на сиденье. Закрыла дверь.

– Ой, бля... холодина...

Водитель снял с себя легкую белую куртку. Накинул на плечи Николаевой.

– Ну, чего, в милицию?

– Ты что... – морщилась она. Куталась в куртку. Тряслась:

– С эти... ми козлами... дел не имею... отвези домой. Я заплачу.

– Куда?

– Строгино.

– Строгино... – озабоченно выдохнул он. – Мне на работу надо.

– Ой, холодина какая... – дрожала она. – Вру... би печку посильней...

Он сдвинул регулятор тепла до упора:

– Давай я тебя до Ленинского подброшу, а ты там словишь кого-нибудь.

– Ну, чего я буду... опять это... ой, сука... отвези, прошу, – дрожала она.

– Строгино... это совсем мне не в жилу.

– Сколько ты хочешь?

– Да... не в этом дело, киса.

– Дело всегда в этом. Сто, сто пятьдесят? Двести? Поехали за двести. Все.

Он подумал. Переключил скорость. Машина поехала.

– Закурить есть?

Он протянул пачку «Кэмел». Николаева взяла. Он поднес зажигалку:

– А чего они тебя... раздели и в лесу выкинули?

– Ага. – Она жадно затянулась.

– Всю одежду?

– Как видишь.

– Круто. Но заявить-то надо?

– Сама разберусь.

– Чего, знакомые?

– Типа того.

– Тогда другое дело.

Он помолчал, потом спросил:

– Ты чего, ночная бабочка?

– Скорее – дневная... – устало зевнула она, выдыхая дым. – Капустница.

Он кивнул с усмешкой.

Полусладкое

12.17.

Строгино. Улица Катукова, д. 25

«Жигули» подъехали к шестнадцатизэтажному блочному дому.

– Пойдем со мной. – Николаева вышла из машины. Подошла к подъезду. Набрала на домофоне номер квартиры: 266.

– Кто?

– Это я, Наташк.

Дверь запищала. Николаева и водитель вошли. Поднялись на двенадцатый этаж.

– Постой здесь. – Она вернула ему куртку. Позвонила в дверь.

Открыла заспанная **Наташа**: 18 лет, пухлое лицо, черные волосы, короткая стрижка, красный махровый халат.

– Дай двести рублей. – Николаева прошла мимо нее в свою комнату. Достала из шкафа такой же красный халат. Надела.

– Ёб твою... ты чего? – Наташа двинулась за ней.

– Двести рублей! Водиле заплатить.

– У меня только двести баксов.

– Рубли есть? У тебя рубли есть?! – выкрикнула Николаева.

– Да нету, чего орешь...

– А баксы по-мелкому?

– Два стольника. А чего это у тебя? – Наташа заметила синяк на груди.

– Не твое дело. А у Ленки нет?

– Чего?

– Рублей.

– Не знаю. Она спит еще.

Николаева вошла в другую комнату. Там на полу спали две женщины.

– Что, и Сула приехала? – посмотрела на них Николаева.

– Ага, – выглянула из-за ее спины Наташа, – под утро поползли на рогах.

– Тогда – на хуй... – досадно махнула рукой Николаева.

– Ну и чего? – Водитель стоял перед открытой входной дверью.

– Зайди, – пошла к нему Николаева.

Он вошел. Она закрыла за ним дверь:

– Слушай, у нас с рублями облом. Давай я тебе отсосую?

Он посмотрел на нее. Потом на Наташу. Наташа усмехнулась. Пошла к себе.

– Давай. – Николаева взяла его за руки.

– Ну, вообще-то... – Он в упор смотрел на нее.

– Давай, давай... в ванной. Ну, облом с бабками, видишь.

А этих сучар будить – вони не оберешься... – Она потянула его за руку.

– Я могу поехать поменять, – остановился он.

– Не смейся. – Она зажгла свет в ванной. Втянула его за

руку. Заперла дверь. Присела. Стала расстегивать ему брюки.

– А ты... давно... это? – смотрел он сверху.

– Много вопросов, юноша... о! А мы быстры на подъем... – Она потрогала сквозь брюки его напрягшийся член.

Расстегнула ремень. Молнию. Стянула вниз серые брюки. Потом черные трусы.

У водителя был небольшой горбатый член.

Она быстро всосала его губами. Обхватила руками лило-ватые ягодицы. Стала быстро двигаться.

Водитель оттопырил зад. Слегка наклонился. Оперся рукой о стиральную машину. Засопел. Его серьга покачивалась в такт движению.

– Погоди... зайка... – Он положил руку на ее голову.

– Больно? – выплюнула она член.

– Нет... просто... я так никогда не кончу... давай, это... по-нормальному...

– Я без кондома не буду.

– А у меня... я... не вожу с собой... – засмеялся он.

– Вот с этим нет проблем. – Она вышла. Вернулась с пачкой презервативов. Распечатала. Ловко и быстро надела ему. Скинула халат. Повернулась к нему задом. Облокотилась на раковину:

– Давай...

Он быстро вошел. Обхватил ее длинными руками. Двигался быстро. Сопел.

– Хорошо... ой, хорошо... – спокойно повторяла она. Разглядывала в зеркале свой синяк. Он кончил.

Она подмигнула ему в зеркало:

– Пират!

Посмотрела на него внимательно. Внезапно губы ее задрожали. Она зажала себе ладонью рот. Он сопел носом, прикрыв глаза. Положил ей голову на плечо.

Она протянула руку. Закрыла сливное отверстие в ванне. Пустила воду, едва сдерживая рыдания:

– Все. Мне... мне... греться пора.

Он тяжело заворочался на ней. Открыл глаза. Его член вышел из ее влагилица. Водитель посмотрел на него.

– В... в сортир, – посоветовала она. Сняла с полки флакон с шампунем. Ливанула в ванну. И разрыдалась в голос.

Он хмуро глянул на нее:

– Чего? Плохо?

Она замотала головой. Потом схватила его руку. Опустилась на колени, прижала руку к груди. Зарыдала сильнее, зажимая себе рот.

– Чего? – смотрел он сверху. – Обидели, что ли? А? Чего ты?

– Нет, нет, нет... – всхлипывала она. – Погоди... погоди...

Прижимала его руку к груди. И рыдала.

Он покосился на себя в зеркало. Терпеливо стоял. Презерватив со спермой висел на увядающем члене. Покачивался в такт ее рыданиям.

Она с трудом успокоилась:

– Это... это так... все... иди...

Водитель подтянул брюки. Вышел.

Николаева села в ванну. Обняла колени руками. Положила на них голову.

В туалете зашумел сливной бачок. Водитель заглянул в ванную.

– Все в порядке? – не подняла головы Николаева.

Он кивнул. С любопытством смотрел на нее.

– Если хочешь – приезжай еще.

Он кивнул.

Она сидела неподвижно. Он вытер нос:

– Тебя как зовут?

– Аля.

– А меня Вадим.

Она кивнула себе в колени.

– У тебя... проблемы большие?

– Да нет. – Она упрямо тряхнула головой. – Просто... так просто... все... пока.

– Ну пока.

Водитель скрылся. Хлопнула входная дверь.

Ванна наполнялась водой. Вода дошла до подмышек. Николаева закрыла кран. Легла.

– Господи... вор, вор, вор... вор, вор, вор...

Пена шуршала вокруг ее заплаканного лица.

Николаева задремала.

Через 22 минуты в ванную заглянула Наташа:

– Аль, вставай.

– Чего? – Николаева недовольно открыла глаза.

– Парвазик приехал.

Николаева быстро села.

– Ах ты, блядь. Стукнула?

– Он сам приехал.

– Сам! Гадина! Ну, попроси у меня еще белье!

– Пошла ты...

Наташа захлопнула дверь.

Николаева провела мокрыми руками по лицу. Закачалась:

– Ну, блядь... ну, тварь...

Тяжело встала. Приняла душ. Обмотала голову полотенцем. Вытерлась. Надела халат. Вышла в коридор.

– С легким паром, – раздалось на кухне.

Николаева пошла туда.

Там сидели двое мужчин.

Парваз: 41 год, маленький, черноволосый, смуглый, небритый, с мелкими чертами лица, в сером шелковом пиджаке, в черной рубашке, в узких серых брюках, в ботинках с пряжками.

Паша: 33 года, полный, светловолосый, белокожий, с мясистым лицом, в серебристо-сиреневом спортивном костюме «Пума», в голубых кроссовках.

– Здорово, красавица. – Парваз поднес спичку к сигарете.

Николаева прислонилась к дверному косяку.

– Мы же с тобой, па-моему, дагаварились. – Он затянулся. – Па-хорошему. Ты мне что-то пообещала. А? Разные слова гаварила. Клялась. А? Или у меня что-то с памятью?

– Парвазик, у меня проблема.

– Какая?

– На меня наехали круто.

– И кто? – Парваз выпустил длинную струю дыма из тонких маленьких губ. Николаева распахнула халат:

– Во, посмотри.

Мужчины молча посмотрели на синяк.

– Понимаешь, это вообще... Я до сих пор опомниться не могу. Дай закурить.

Парваз протянул ей пачку «Данхил», спички.

Она закурила. Положила сигареты и спички на стол.

– Короче, вчера я на шесте свою программу сделала, ну и пошла по клубу – потрянуть на персоналку. Народу немного было. Ну и два мужика сидят, один мне знак подал. Я подошла, волну сделала, сиськами потрянула. Он говорит – сядь, посиди. Я присела, они шампанского заказали. Выпили, стали пиздеть. Они – нормальная такая лоховня, торгуют какими-то увлажнителями воздуха. Один из Прибалтики, красавец такой высокий, а имя сложное какое-то... Ритэс-хуит-эс... не запомнила, а второй толстый – Валера. Ну, я говорю, мне холодно, я пойду оденусь. «Да, да, конечно. И приходи к нам». Ну, я платье надела, вернулась к ним. «Чего ты хочешь?» Я говорю: «Перекусить чего-нибудь». Заказали

мне шашлык из осетрины. «Ты стриптиз давно танцуешь?» Я говорю недавно. «Сама откуда?» Из Краснодара. Ну и все такое. А потом этот прибалт говорит: «Поехали ко мне домой?» Я: 300 баксов ночь. «Нет проблем». Ну, расплатились они, выкатились. И я. У них «Волга» такая, белая, новая совсем. Села к ним. И только мы от клуба отъехали, один мне – раз! маску с какой-то хуйней. Прямо на это... вот так... на морду. И все. И я очнулась: темно, лежу, руки сзади в наручниках, бензином воняет. В багажнике. Лежу. Там хуйня какая-то рядом. Ну, а машина едет и едет. Потом остановилась. Они багажник открыли, вытащили меня. В лесу в каком-то. Утром уже. Раздели, привязали к березе. Да! А рот они мне еще раньше залепили. Типа пластыря что-то... Вот. И потом. Потом вообще это пиздец какой-то! У них такая... такой, типа сундука. А там лежал как будто топор такой, ну, как каменный. На палке кривой. Но это не камень только, а лед. Топор такой ледяной. Вот. И значит, один козел взял этот топор, размахнулся и к-а-а-ак ебнет мне в грудь! Вот сюда прямо. А другой говорит: «Рассказывай все». Но рот-то у меня заклеенный! Я мычу, но говорить-то не могу! А эти гады стоят и ждут. И опять: хуяк по груди! И опять: говори. У меня уже поплыло все, больно, ужас, блядь, какой-то. И – третий раз. Хуяк! И я отключилась. Вот. А потом очнулась: больница какая-то. И парень какой-то меня трахает. Я сопротивляться начала, а он нож вытащил и к горлу приставил. Вот. Ну, натрахался. Стал бухать. Я лежу – сил нет пальцем

пошевелиться. А он говорит: «Теперь здесь жить будешь». Я говорю: «На хера?» А он: «Будем тебя иметь». Я говорю: «У вас проблемы будут, я под Парвазом Слоеным хожу». А он говорит: «Я положил на твоего Парваза». Ну, он набухался быстро. Я говорю: «Я в сортир хочу». Он позвал санитара такого, бычару. Тот повел меня. Я голая иду по коридору, вижу, у него хуило стоит. В сортир вошла, а он за мной: «Становись раком!» Ну, встала, чего делать. Трахнул меня, отвалился в коридор. А в сортире окно такое, ну, типа стеклопакет. И никакой решетки, главное! Я окно открыла, вылезла потихоньку, там лес какой-то. В лес как рванула! Бежала, бежала. Потом поняла – Воробьевы горы. Вышла на шоссе, мотор взяла, и вот – Наташка видела, как я приехала. Место это, ну, эту больницу, я смогу найти.

Парваз и Паша переглянулись.

– Вот, братан, а ты удивляешься – пачему у нас убыток. – Парваз потушил сигарету. Рассмеялся: – Ледяной тапор, блядь! А может – залатой? А? Или брыльянтовый? А? Ты ошиблась, это не лед был – брыльянты. Брыльянтовым тапаром – па груди, па груди. А? Харашо. Для здоровья. Палезно.

– Парвазик, я клянусь, это... – подняла руки Николаева.

– Ледяной тапор... пиздец! – Он смеялся. Раскачивался:

– Блядь, Паш. Ледяной тапор! Не, нам нужен другой бизнес, братан. Хватит. Пашли на рынок, мандарынами таргавать!

– Парвазик, Парвазик! – крестилась Николаева.

Паша сцепил могучие руки замком. Два коротких больших пальца быстро-быстро заскользили друг по дружке. Он забормотал бабьим фальцетом:

– Что ж ты, говнососка, наглеешь так? Ты что, по-нормальному не хочешь работать? Надоела нормальная жизнь? По-плохому хочешь? По-жесткому? Чтоб по голове били?

– Клянусь, Парвазик, всем на свете клянусь! – Николаева перекрестилась. Опустилась на колени: – Матерью клянусь! Отцом покойным клянусь! Парвазик! Я верующая! Богородицей клянусь!

– Верующая! А крест твой где? – спросил Паша.

– Так эти суки и крест с меня содрали!

– И крэст? Такие плахие? – покачал головой Парваз.

– Они меня чуть не угробили! Я до сих пор трясусь вся! Не веришь – поехали на Воробьевы горы, я найду это место, вот тебе крест!

– Какой крэст? Какой, блядь, крэст? На тебе пробы негде ставить! Крэст!

– Не веришь – Наташку позови! Она все видела! Как я голая да измудоханная приползла!

– Наташ! – крикнул Паша.

Тут же появилась Наташа.

– Когда она пришла?

– Где-то час назад.

– Голая?

– Голая.

– Одна?

– С каким-то козлом.

– Паш, это водила, он подвез меня, когда я...

– Молчи, пизда. И что это за козел?

– Да какой-то с серьгой, бородатый... Она ему бабки должна была. И в ванной отсосала.

– Да это за то, что подвез! За дорогу! Я ж без ничего выбежала!

– Молчи, плесень подзалупная. О чем они пиздели?

– Да ни о чем. Отсосала по-быстрому, сказала, если хочешь – заходи еще.

– Ах ты, срань! – Николаева гневно смотрела на Наташу.

– Парвазик, она сказала, что мне больше белья не даст. – Наташа не обращала внимания на Николаеву.

Парваз и Паша переглянулись.

– Парвазик... – Николаева качала головой. – Парвазик... она врет, сука, я... да она все время в моих платьях ходила! Я ей все делала!!

– Кто в доме? – спросил Наташу Парваз.

– Ленка и Сула. Спят.

– Давай их сюда.

Наташа вышла.

– Парвазик...

Николаева стояла на коленях. Лицо ее исказилось. Брызнули слезы:

– Парвазик... я... я... всю правду сказала... я вот столеч-

ко не соврала, клянусь... клянусь... клянусь...

Она трясла головой. Полотенце размоталось. Край его закрыл ее лицо.

Парваз встал. Подошел к мойке. Наклонился к мусорному ведру.

– Я тебе тагда паверил. Я тебя тагда прастил. Я тебе тагда памог.

– Парвазик... Парвазик...

– Я тебе тагда вернул паспорт.

– Клянусь... клянусь...

– Я тагда падумал: Аля женщина. Но теперь я панимаю: Аля не женщина.

– Парвазик...

– Аля – крыса памойная.

Из мусорного ведра он вынул пустую бутылку из-под шампанского. Брезгливо взял двумя пальцами:

– «Полусладкое».

Рывком сдвинул стол в сторону. Поставил бутылку на пол посередине кухни.

В кухню вошла **Сула**: 23 года, маленькая, каштановые волосы, смуглое, непривлекательное лицо, большая грудь, стройная фигура, цветастый халат.

И сразу за ней – **Лена**: 16 лет, высокая, хорошо сложенная, красивое лицо, светлые длинные волосы, розовая пижама.

Обе встали у двери. За ними показалась Наташа.

– Девочки, у меня плахая новость, – заговорил Парваз. – Очень плахая. – Сунул руки в узкие карманы. Привстал на носках. Качнулся: – Сегодня ночью Аля совершила плахой паступок. Павела себя как крыса памойная. Нарубила себе па-подлому. Наплевала на всех. И насрала на всех.

Он замолчал. Николаева стояла на коленях. Всхлипывала. – Раздевайся, – приказал Парваз.

Николаева развязала пояс халата. Повела плечами. Халат соскользнул с ее голого тела. Парваз сдернул с ее головы полотенце:

– Садись.

Она встала. Перестала всхлипывать. Подошла к бутылке. Примерилась. Стала садиться влагалищем на бутылку.

– Нэ пиздой! Жопой садысь! Пиздой ты на меня работать будэшь!

Все молча смотрели.

Николаева села на бутылку анусом. Балансировала.

– Сидеть! – прикрикнул Парваз.

Она села свободней. Вскрикнула. Оперлась руками о пол.

– Бэз рук, пизда! Бэз рук! – Парваз ударил ногой по ее руке. И резко нажал на плечи:

– Си-дэ-ть!

Николаева закричала.

Мохо

19.22.

Тверская улица, дом 6

Темно-синий «Пежо-607» въехал во двор. Остановился.

Боренбойм сидел с газетой на заднем сиденье: 44 года, среднего роста, лысоватый, блондин, умное лицо, голубые глаза, узкие очки в золотой оправе, темно-зеленая тройка. Дочитал. Кинул на переднее сиденье. Взял узкий черный портфель.

– Завтра полдесятого.

– Хорошо, – кивнул **шофер**: 52 года, продолговатая голова, пепельные волосы, большой нос, большие губы, коричневая куртка, голубая водолазка.

Боренбойм вышел. Направился к подъезду № 2. В кармане у него зазвонил мобильный. Он вынул его. Остановился. Приложил к уху:

– Да. Ну? Так уже ж договорились. В девять, там. Не, давай наверху, там кухня лучше, и потише. Чего? А чего он мне в контору не позвонил? А? Леш, ну что за разговоры... испорченный телефон какой-то! Как я могу заочно давать советы? Пусть приедет нормально. Вообще по облигациям сейчас – порядок полный, они пухнут уже второй месяц, там предмета для разговора нет. А? Давай. Все... Да, Леш, ты про Володьку слышал? Там ночью экскаватор подогнали и

два банкомата ковшом вырыли. Да! Мне Савва рассказал. Ты расспроси, он знает подробности. Вот такие сибирские помидоры. Ну, все.

Боренбойм вошел в подъезд.

Кивнул **вахтерше**: 66 лет, худощавая, парик, очки, серо-розовая кофта, коричневая юбка, валенки.

Он сел в лифт. Поднялся на третий этаж. Вышел. Достал ключи. Стал отпирать дверь.

Вдруг ему в спину что-то уперлось. Он стал оборачиваться. Но кто-то сильно схватил его за левое плечо:

– Не оглядываться. Смотреть вперед.

Боренбойм посмотрел на свою дверь. Она была стальной. Окрашенной серым.

– Открывай, – приказал низкий мужской голос. Боренбойм дважды повернул ключ.

– Входи. Дернешься – кладу на месте.

Боренбойм не двигался. В щеку ему уперся торец пистолетного глушителя. Он пах ружейным маслом.

– Не понял? До одного считаю.

Боренбойм толкнул дверь рукой. Вошел в темную прихожую.

Рука в коричневой перчатке вынула ключ из двери. Мужчина вошел вслед за Боренбоймом. И сразу закрыл за собой дверь.

– Свет включи, – приказал он.

Боренбойм нащупал широкую клавишу выключателя. На-

жал. Сразу вспыхнул свет во всей пятикомнатной квартире. И зазвучала музыка: Леонард Коэн, «Сюзанн».

– На колени. – Мужчина ткнул Боренбойма пистолетом между лопаток.

Боренбойм опустился на бежевый коврик.

– Руки назад.

Он выпустил портфель. Протянул руки назад. На запястьях щелкнули наручники. Мужчина стал обыскивать карманы Боренбойма.

– Деньги в кабинете в столе. Около двух тысяч. Больше нет, – пробормотал Боренбойм. Мужчина обыскивал его. Достал из карманов бумажник. Мобильный телефон. Золотую зажигалку «GUCCI».

Все положил на пол.

Открыл портфель: деловые бумаги, две курительные трубки в кожаном футляре, банка с табаком, сборник рассказов Борхеса.

– Встать. – Мужчина взял Боренбойма под руку. Боренбойм встал. Покосился на незнакомца.

Мужчина: 36 лет, невысокий, крепкого телосложения, блондин, голубые глаза, короткая стрижка, тяжелое лицо, полоска светлых усов, стального цвета плащ, светлосерый шарф, черный кожаный рюкзак за спиной.

– Вперед. – Мужчина ткнул Боренбойма пистолетом.

Боренбойм пошел вперед. Миновали первую гостиную с круговым аквариумом и мягкой мебелью. Вошли во вто-

рую. Здесь стояла низкая японская мебель. На стенах висели три свитка. И плоский телевизор. В углу стоял музыкальный центр. В виде черно-синей пирамиды.

Мужчина подошел к пирамиде. Посмотрел:

– Как вырубить?

– Вон пульт. – Боренбойм мотнул головой в сторону низкого квадратного стола. Черно-синий пульт лежал на краю.

Мужчина взял. Нажал кнопку «POWER». Музыка прекратилась.

– Сидеть. – Он нажал на плечо Боренбойма. Усадил на низкое сиденье с красной подушкой.

Убрал пистолет в карман. Снял рюкзак. Развязал. Достал молоток и два стальных альпинистских костыля.

– Какие стены в доме?

– В смысле? – напряженно моргал бледный Боренбойм.

– Кирпич, бетон?

– Кирпичные.

Мужчина сдернул со стены два свитка. Примерился. И в три удара вбил костыль в стену. На уровне своих плеч. Отошел от него метра на два. И вогнал второй костыль. На том же уровне. Потом достал мобильный. Набрал номер:

– Все в норме. Давай. Там открыто.

Вскоре в квартиру вошла **Дибич**: 32 года, высокая, худая, широкоплечая, блондинка, голубовато-серые глаза, жесткое костистое лицо, серовато-синее пальто, синий берет, синие перчатки, сине-желтый шарф, продолговатая спортив-

ная сумка.

Осмотрелась. Мельком глянула на сидящего Боренбойма:

– Хорошо.

Мужчина достал из рюкзака веревку. Разрезал ножом пополам.

Они подняли Боренбойма. Сняли с него наручники. Стали снимать пиджак.

– Вы по-человечески можете сказать, что вам нужно? – спросил Боренбойм.

– Пока не можем. – Дибич взяла его правую руку, обвязала веревкой.

– Я не храню деньги дома.

– Нам не нужны деньги. Мы не грабители.

– А кто вы? Страховые агенты? – Боренбойм нервно усмехнулся. Облизал сухие губы.

– Мы не страховые агенты, – серьезно ответила Дибич. – Но ты нам очень нужен.

– Для чего?

– Расслабься. И ничего не бойся.

Они привязали его за руки ко вбитым в стену костылям.

– Вы садисты? – Боренбойм стоял. С разведенными в стороны руками.

– Нет. – Дибич сняла пальто. Под ним был синий костюм в тончайшую полоску.

– Чего вам надо? Какого хера? – Голос Боренбойма сорвался.

Мужчина залепил ему рот клейкой лентой. Дибич расстегнула сумку. В ней лежал продолговатый мини-холодильник. Она открыла его. Вынула ледяной молот.

Мужчина расстегнул Боренбойму жилетку и рубашку. Разорвал майку. Внезапно Боренбойм ударил его ногой в пах. Мужчина согнулся. Зашипел. Опустился на колени:

– Ох-хо...

Дибич ждала. Оперлась на молот.

– Ой... – морщился мужчина.

Дибич подождала немного. Посмотрела на висящий на стене свиток:

– Лед тает, Обу.

Мужчина приподнялся. Они приблизились к привязанному. Боренбойм попытался ударить ногой Дибич.

– Держи его ноги, – сказала она.

Мужчина кинулся. Обхватил колени Боренбойма. Сжал. Замер.

– Говори сердцем! – Дибич красиво размахнулась. Молот со свистом описал полукруг.

Обрушился на грудь Боренбойма.

Боренбойм зарычал.

Дибич приложила ухо к его груди:

– Говори, говори, говори...

Боренбойм рычал. Дергался.

Дибич отшагнула. Размахнулась. Ударила. Изо всех сил.

Молот треснул. Куски полетели в стороны.

Боренбойм застонал. Повис на веревках. Голова упала на грудь.

Дибич приникла:

– Говори, говори, говори...

В грудине возник звук.

Дибич вслушалась.

Мужчина слушал тоже.

– Мо... хо... – произнесла Дибич.

Удовлетворенно выпрямилась:

– Его зовут Мохо.

– Мохо, – произнес мужчина. Поморщился. Улыбнулся.

Брат и сестры

Боренбойм открыл глаза.

Он сидел в треугольной ванне. Теплые струи воды приятно обтекали его тело. Напротив сидели две голые женщины.

Ар: 31 год, полная, блондинка, голубые глаза, большая грудь, округлые полные плечи, простоватое улыбочатое деревенское лицо.

Экос: 48 лет, маленькая, стройная, блондинка, голубые глаза, лицо внимательное, умное.

В просторной ванной комнате был полумрак. Только три толстые голубые свечи горели по краям ванны.

– Здравствуй, Мохо, – произнесла маленькая женщина. – Я Экос. Твоя сестра.

– Здравствуй. Мохо, – улыбалась полная. – Я Ар, сестра твоя.

Боренбойм вытер влагу с лица. Огляделся. Задержал взгляд на свече:

– А я Боренбойм Борис Борисович. Моя единственная сестра, Анна Борисовна Боренбойм Викерс погибла в автомобильной катастрофе в 1992 году. Близ города Лос-Анджелес.

– Теперь у тебя будет много сестер и братьев, – произнесла Экос.

– Сомневаюсь. – Боренбойм потрогал обширный синяк на

груди. – Мама уже на том свете. Отец лежит после инсульта. И вероятность, что он осчастливит меня братом или сестрой, практически равна нулю.

– Родная кровь не единственная форма братства.

– Конечно. Есть еще братство по несчастью, – кивнул Боренбойм. – Когда живьем в братскую могилу кладут.

– Есть сердечное братство, – тихо произнесла Ар.

– Это когда один другому сердечный клапан продает? А себе искусственный ставит? Слышал про такое. Неплохой бизнес.

– Мохо, твой цинизм скучен. – Экос взяла его левую руку. Ар – правую.

– А я вообще скучный человек. Поэтому и живу один. А цинизм – это единственное, что меня спасает. Вернее – спасало. До второго марта.

– Почему только до второго марта? – Экос гладила под водой его запястье.

– Потому что второго марта я принял ошибочное решение. Я решил ездить только с водителем, а охранника не брать. Временно отдать его Рите Солоухиной. Которой? Нужен водитель. Потому что? Она ошпарила руку. Когда? Делала фондю. Сыром расплавленным, сыром...

– Ты жалеешь, что помог ей? – Ар гладила его другую руку.

– Я жалею, что на время изменил своему цинизму.

– Тебе стало ее жалко?.

– Не то чтобы... просто мне нравятся ее ноги. И как она работает.

– Мохо, но это довольно циничный аргумент.

– Нет. Если бы он был по-настоящему циничным, я бы не оказался лохом. Лохом. Которого взяли голыми руками.

– Разве они были не в перчатках? – подняла тонкие брови Экос. Они с Ар засмеялись.

– Да, – серьезно пожевал губами Боренбойм, – эти суки были в перчатках. Кстати, девочки, а где мои очки?

– Ты ложишься в ванну в очках?

– Иногда.

– Они же потеют.

– Это мне не мешает.

– Видеть?

– Думать. Где они?

– Сзади.

Он обернулся. Рядом с его головой на мраморном подиуме лежали очки и часы. Часы показывали **23. 55**.

Он надел очки. Стал надевать часы.

В приоткрытую дверь вошла голая **девочка**: 12 лет, угловатое худое тело, безволосый лобок, русые короткие волосы, большие голубые глаза, спокойное и доброе лицо.

Она угловато перекинула ногу через невысокий край ванны, ступила в нее. Подошла к Боренбойму и опустилась перед ним на колени:

– Здравствуй, Мохо.

Боренбойм сумрачно глянул на нее.

– Я Ип.

Боренбойм собрался сказать что-то, но заметил большой белый шрам на груди девочки. Он посмотрел на свой синяк.

– Можно я положу тебе руку на грудь? – спросила девочка.

Боренбойм перевел взгляд на ее шрам, потом посмотрел на женщин. В центре груди у каждой тоже были шрамы.

– Вас что... тоже? – поправил он очки.

Женщины кивнули, не переставая улыбаться.

– Меня били в грудь ледяным молотом шестнадцать раз. –

Ар приподнялась на коленях. – Смотри.

Он увидел заросшие рубцы на ее груди.

– Я трижды теряла сознание. Пока мое сердце не заговорило и не назвало мое истинное имя: Ар. После этого меня отнесли в купальню, обмыли, наложили повязку на раны. И потом один из братьев прижался к моей груди своей грудью. И его сердце заговорило с моим сердцем. И я плакала. Первый раз в жизни я плакала от счастья.

– А меня били семь раз, – заговорила Экос. – Вот... видишь... один большой шрам и два небольших шрамика. А я тогда просто обливалась кровью. Меня взяли на даче. Привязали к дубу. И били ледяным молотом. А сердце молчало. Оно не хотело говорить. Не хотело просыпаться. Оно хотело спать до самой смерти. Чтобы сонным сгнить в гробу, как у миллиардов людей... У меня тонкая кожа. Лед прорвал ее сразу. И крови было много. Молот был весь в крови. И когда

сердце заговорило и назвало мое настоящее имя – Экос, меня поцеловал стучащий. В губы. Это был мой первый братский поцелуй.

– Поцеловал?

– Да.

– Стучащий?

– Стучащий.

– То есть – стучач? – нервно усмехнулся Боренбойм, глядя в большие глаза девочки.

– Называй так, если тебе удобно, – спокойно ответила Экос.

– Твой цинизм – это броня. Единственная защита от искренности. Которая тебя всегда пугала, – гладила его руку Ар.

– Как только она рухнет, ты станешь не просто счастливым. Ты поймешь, что такое настоящая свобода, – добавила Экос.

Девочка по-прежнему стояла на коленях. По-детски восторженно смотрела на Боренбойма.

– М-да... наверно... – Он с трудом оторвал взгляд от глаз девочки. – А вот меня стучач не поцеловал. А жаль.

Решительно поправил очки. И неожиданно резко встал. Вода плеснула на женщин.

– Вот что, девочки мои. Подводный массаж мне сейчас не в кайф. Значит, расслабляться мы не будем. Времени у меня нет. Зовите ваших быков. Пусть скажут на правильном

русском: сколько, где и когда.

– Здесь нет никаких быков. – Экос вытерла ладонью лицо.

– Тут только мы и служанка, – улыбалась Ар.

– И еще кошка, – произнесла девочка. – Но она сейчас спит в корзине. У нее скоро будут котята. А можно мне положить руку тебе на грудь?

– Зачем? – спросил Боренбойм.

– Чтобы поговорить с твоим сердцем.

Боренбойм вышел из ванны. Взял полотенце. Протер очки. Стал вытираться. Поморщился от боли.

– Значит, быки снаружи. Ясно.

– Снаружи? – Экос погладила свое плечо. – Там тоже нет быков. Там только березы.

– И снег. Но он уже плохой, – добавила девочка.

Боренбойм угрюмо покосился на нее. Обвязал свой худощавый торс полотенцем:

– Где моя одежда?

– В спальне.

Он вышел из ванной комнаты. Оказался в просторном многокомнатном помещении. Богато обставленном: ковры, дорогая мебель, хрустальные люстры, картины старых мастеров. Тихо звучала музыка Моцарта.

Он подошел к окну. Отвел штору зеленого бархата.глянул: ночной березовый лес, белеющие в полутьме остатки снега. Где-то далеко лаяла собака.

– Что жилаете выпить? – раздался женский голос с акцен-

том.

Он обернулся.

Поодаль стояла **тайландка**: 42 года, невысокая, некрасивая, полноватая, серый спортивный костюм, синие с блестками шлепанцы на смуглых босых ногах с лиловым педикюром.

– Где спальня? – Боренбойм брезгливо покосился на ее ноги.

– А вот издес. – Она повернулась. Пошла.

Он двинулся за ней.

Подвела. Показала морщинистой рукой.

Спальня была небольшой: по стенам индийская льняная ткань с желто-зеленым орнаментом, зеркало с подзеркальным столиком, индийский парчовый пуф, две большие бронзовые вазы по углам, двуспальная кровать под индийским покрывалом. На кровати – аккуратной стопкой одежда Боренбойма.

Он подошел. Взял. Проверил карманы: бумажник, ключи. Мобильный остался в портфеле.

Он надел трусы. Брюки. Вместо разорванной майки была новая.

– Оперативные... – усмехнулся он.

Надел майку, рубашку, жилетку. Стал завязывать галстук.

– Можно, я поговорю с твоим сердцем? – раздался голос девочки.

Он оглянулся: голая Ип стояла в двери спальни. На дет-

ском теле ее блестели капельки воды. Покончив с галстуком, он надел ботинки, пиджак. Застегнул две нижние пуговицы на пиджаке. Покосился на себя в зеркало. Вышел из спальни, задев мокрое плечо Ип.

– Что жилаете выпить? – Таиландка стояла посередине гостиной.

– Выпить, – скривил он губы. – Осинового сока нет?

– И что? – не поняла она.

– Осинового сока. Или березового молока, на худой конец?

– Бе-резо-ва? – наморщила она маленький лоб.

– Ааа... – обреченно махнул рукой Боренбойм. – Где выход?

– А вот издес, – послушно двинулась она.

Прошла в прихожую. Открыла белую дверь в тамбур. Надела прямо на шлепанцы большие валенки с галошами. Накинула серый пуховый платок. Открыла толстую входную дверь. Сошла вниз по мраморным ступеням.

Боренбойм вышел из дома. Двор и сам дом были подсвечены. Березовый лес густо стоял на участке.

Служанка шла по широкой асфальтированной дороге. К стальным воротам в высоком кирпичном заборе. Шаркала валенками.

Боренбойм огляделся. Поднял ворот пиджака. Вдохнул сырой ночной воздух. Напряженно двинулся за служанкой.

Она подошла к воротам. Вставила ключ в скважину. По-

вернула.

Ворота поехали в сторону.

– Можно, я поговорю с твоим сердцем? – раздалось сзади.

Боренбойм оглянулся: дом. Два этажа, белые стены, серая черепица, две трубы, ажурные решетки на окнах, медное солнце над дверью. На фоне подсвеченного дома стояла едва различимая голая фигурка. Она бесшумно подошла. В полумраке глаза Ип казались еще больше.

В полутемных окнах дома – никого.

– Можно? – Ип взяла влажными руками его руку.

Боренбойм глянул в открытые ворота: за ними пустая ночная улица. Лужи. Столб. Щербатый забор. Обыкновенный дачный поселок.

– Ты простудишься, – произнес он.

– Нет, – серьезно ответила Ип. – Пожалуйста, можно? Потом ты поедешь к себе.

– О'кей, – по-деловому кивнул он. – Только быстро.

Она оглянулась, посмотрела на качели возле беседки, потянула его руку:

– Идем туда.

Боренбойм пошел. Потом остановился:

– Нет. Мы не пойдем туда. – Он глянул на ворота: – Мы пойдем туда.

– Хорошо. – Она потянула его к воротам.

Они вышли за ворота. Ип потянула Боренбойма к обледелому сугробу на обочине дороги. Он пошел за ней. Под его

ботинками похрустывал лед. Босая Ип передвигалась бесшумно и легко. «Ангел, блядь...» – подумал Боренбойм. И произнес:

– Только быстро, полминуты. Серьезно говорю.

Маленькая таиландка в валенках сиротливо стояла у открытых ворот. Подмосковный ветер трепал концы ее пухового платка.

Ип подвела Боренбойма к сугробу. Взобралась на него. Лицо ее оказалось вровень с лицом Боренбойма. Очки его поблескивали в темноте.

Девочка осторожно обняла его худыми, но длинными руками, прижалась своей грудью к его. Он не противился. Их щеки соприкоснулись.

– О'кей. – Он слегка отвернулся, отстраняя лицо.

Посмотрел на подсвеченный дом. Запел басом:

– Darling, stop confusing me with your...

Но вдруг вздрогнул всем телом. И замер.

Ип тоже замерла.

Они стояли неподвижно.

Таиландка смотрела на них.

Прошло 23 минуты. Девочка разжала руки. Боренбойм бессильно упал на обледенелую дорожку. Ип опустилась на сугроб. Всхлипнула, втянула воздух сквозь сжатые зубы и жадно задышала. Уличный фонарь тускло освещал ее хрупкое белое тело.

Боренбойм зашевелился. Слабо вскрикнул. Сел. Засто-

нал. Потом опять упал, растянувшись. Жадно задышал. Открыл глаза. В черном небе промеж клочковатых облаков слабо поблескивали звезды.

Девочка сошла с сугроба, еле слышно хрустнув снегом. Пошла к воротам. Скрылась в них. Раздалось слабое гудение, и ворота закрылись.

Боренбойм заворочался, хрустя льдом. Встал на четвереньки. Пополз. Потом оттолкнулся руками от земли. Тяжело встал. Пошатываясь, выпрямился:

– Оооо... нет.

Посмотрел на улицу. На сугроб.

– Нет... о, боже мой... – затряс головой.

Подошел к воротам. Стал шлепать по ним грязными руками:

– Эй... эй... ну эй... – Прислушался. За воротами было тихо.

Боренбойм кинулся на ворота. Замолотил по ним руками и ногами. Очки слетели. Он прислушался. Тишина.

Он заскулил, прижавшись к воротам. Сполз на землю. Заплакал. Встал, отошел от ворот, пробежал на полусогнутых ногах и с разбега ударил ногой в ворота.

Прислушался. Нет ответа.

Он набрал в грудь побольше воздуха и закричал изо всех сил.

Эхо разнесло крик по окрестности.

Где-то далеко залаяла собака. Потом другая.

– Ну я прошу... ну умоляю! – вскрикивал Боренбойм, стуча в ворота. – Ну я же умоляю! Ну я же умоляю! Ну умоляю!! Блядь... ну я же умоляю!!!

Истошный крик его оборвался хрипом. Он замолчал. Облизал губы.

Тонкий месяц выплыл из-за тучи. Две собаки неохотно лаяли.

– Нет... это нельзя так... – Боренбойм отступил от забора. Очки хрустнули под ногами. Он наклонился, поднял. Левое стекло треснуло. Но не вылетело.

Он вытащил платок, протер очки. Надел. Платок кинул в лужу. Всклипнув, вздохнул. Побрел по улице.

Дошел до перекрестка. Свернул. Дошел до другого. И чуть не столкнулся с машиной. Красная «Нива» резко затормозила. Его обрызгало из лужи.

– Ты чего, охуел? – открыл дверь **водитель: 47 лет**, худое морщинистое лицо, впалые щеки, стальные зубы, кожаная кепка.

– Извини, друг. – Боренбойм оперся руками о капот. Устало выдохнул: – Отвези в милицию. На меня напали.

– Чего? – зло сощурился водитель.

– Отвези, я заплачу... – Боренбойм вытер водяные брызги с лица. Полез во внутренний карман. Вынул бумажник, раскрыл. Поднес под грязную фару: все четыре кредитные карты на месте. Но как всегда, ни одного рубля. И? Еще одна карточка: VISA Electron. С его именем. Такой у него ни-

когда не было. У него была VISA Gold. Он повертел новую карточку:

– What’s the fuck?

В углу карточки он разглядел написанный от руки пин-код: 6969.

– Ну, чего, долго стоять будем? – спросил водитель.

– Щас, щас... Слушай... а тут какая станция?

– Кратово.

– Кратово? – Боренбойм посмотрел на его кепку. – Новорязанское шоссе... Отвези в Москву, друг. Сто баксов.

– Так. Отошел от машины! – зло ответил водитель.

– Или до милиции... то есть до Рязанки... до Рязанки подвези!

Водитель захлопнул дверь. «Нива» резко тронулась. Боренбойм отпрянул в сторону.

Машина свернула за угол.

Боренбойм посмотрел на карточку:

– Блядь... дары волхвов... и с пин-кодом! Туфта, сто процентов.

Спрятал карточку в бумажник. Сунул его в карман. Пошел по улице. Мимо заборов и темных дач. Ежился. Сунул руки в карманы брюк.

В окнах одной дачи горел свет. Возле глухих ворот была калитка. Боренбойм подошел к ней. Дернул. Калитка была заперта.

– Хозяин! – крикнул он.

В доме залаяла собака.

Боренбойм подождал. Никто не откликнулся. Он крикнул еще раз. И еще. Собака лаяла.

Он зачерпнул мокрого снега. Слепил снежок. Кинул в окно веранды.

Собака продолжала лаять. Никто не вышел.

– И не князя будить – динозавра... бля... – Боренбойм сплюнул. Двинулся по темной улице.

Улица стала сужаться. Превратилась в грязную тропу. Зеленый и серый заборы сдавили ее.

Боренбойм шел. Тонкий ледок хрустел под ногами.

Вдруг тропа оборвалась. Впереди оказался резкий спуск. Грязный. С водой и снегом. И смутно виднелась неширокая река. Черная. С редкими льдинами.

– Кончен бал, погасли свечи, fuck you slowly...

Боренбойм постоял. Поежился. Повернулся. Пошел назад. Поровнялся с освещенным домом. Слепил снежок. Подбросил в воздух. Пнул ногой. И вдруг зарыдал в голос, по-детски, беззащитно. Побежал, рыдая. Вскрикнул. Остановился:

– Нет... ну не так... ооо, мамочка... ооо! Мудак... мудака ебаный... ооо! Это просто... просто... мудака...

Высморкался в ладонь. Всхлипывая, пошел дальше. Свернул направо. Потом налево. Вышел на широкую улицу. По ней проехал грузовик.

– Эй, шеф! Эй! – хрипло и отчаянно закричал Боренбойм.

Побежал за грузовиком.

Грузовик остановился.

– Шеф, подвези! – подбежал Боренбойм.

– Куда? – пьяно посмотрел из окна **водитель**: 50 лет, грубое желто-коричневое лицо, кроликовая шапка, серый ватник, сигарета.

– В Москву.

– В Москву? – усмехнулся водитель. – Ёптеть, я спать еду.

– Ну, а до станции?

– До станции? Да это ж рядом, чего туда ехать-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.